

А. БАВАЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

Третья прилогия

Око силы

Андрей Валентинов

Преступившие

«Автор»

1995

Валентинов А.

Преступившие / А. Валентинов — «Автор», 1995 — (Око силы)

Август 1991 года. Белый Дом. Молодой историк Николай Лунин, по велению сердца вставший на защиту демократии, соприкасается с величайшей государственной тайной – тайной, которая может стоить ему жизни. Преследователи идут буквально по пятам. И если бы не помощь новообретенных друзей – дхара Фрола Соломатина и белогвардейского полковника Михаила Корфа, неизвестно каким ветром занесенного в перестроечную Москву – кто знает, как бы сложилась его судьба. Те же, кто тайно правил страной на протяжении десятилетий, вновь получили бы шанс безнаказанно творить Зло.

© Валентинов А., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Глава 1. Белый Дом	7
Глава 2. Тайны уходящих	18
Глава 3. В кольцо	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Валентинов

Преступившие

Око Силы. Третья трилогия

1991–1992 годы

Книга седьмая

Двадцатая ночь месяца августа года Белой Козы, от Рождества же Христова 1991-го, подходила к середине. Она была жаркой и душной, и Столица, сжатая железными клиньями танковых дивизий, вплотную обступивших город и уже рассекших его в нескольких местах, так и не перевела дух. Вторые сутки люди стояли против людей, броня – против брони, и непреклонная воля – против другой, столь же непреклонной.

Но эта ночь должна была стать последней. Воля, двигавшая танки к центру города, готовилась нанести завершающий удар по все еще не сдавшемуся врагу. Противостояние подходило к финалу, и где-то в тиши и уюте огромного белого здания на Калининском люди в зеленых мундирах с золотыми погонами уже вынесли приговор. Он не подлежал обжалованию: противник, занимавший другое гигантское здание на противоположном конце этого же проспекта, такое же белое и еще более высокое, был обложен со всех сторон. Невдалеке от Столицы, надежно защищенные радарными и ракетными установками, грели моторы десятки боевых вертолетов. Стальная саранча не боялась врага. Еще час – и ночь загудит винтами не знавших поражения машин, тьма над Белым Домом осветится недолгим, но ярким огнем, и танкам останется только не спеша перемолоть траками кашу человеческих тел. Люди в зеленых мундирах нетерпеливо поглядывали на часы. Рассвет, победный рассвет, был уже близко.

Но вот внезапно в тиши одного из кабинетов нервно звякнул телефон, и чей-то далекий голос сообщил тому, кто уже подписал приговор Президенту и всем, кто вторые сутки прикрывал собою бетонные плиты Белого Дома, нечто такое, отчего разом зазвонили десятки других телефонов, тихий шепот сменился криком, а уверенность в победе – растерянностью и страхом. Случилось нечто, чего не могли предусмотреть люди в зеленом, несмотря на опыт, на мощь электроники и на свое кажущееся всезнание. С северо-востока, от серых, покрытых вечным лесом вершин Урала, на Столицу двинулся новый неожиданный противник, справиться с которым не могли даже стальные осы с полным боекомплектом самонаводящихся ракет.

На Столицу шел грозовой фронт. Он появился словно ниоткуда, его не заметили всезнающие военные метеорологи, раскинувшие сеть станций от моря Лаптевых до опаленной солнцем Кушки, его проглядели даже спутники, хотя спутники ничего не могли упустить. Фронт возник внезапно, двинувшись на Столицу с чудовищной, невероятной даже для грозы скоростью. Казалось, некая Сила, превосходящая все другие в сотни раз, решила вмешаться в ход катившегося к финалу действия.

Тучи надвигались, накрывая собой небольшие поселки у окружной дороги, затягивая небо над уже готовыми взлететь вертолетами, и неслышно наваливаясь на город. На миг духота стала непереносимой, но вот ударили первые капли неожиданного дождя, и Столица впервые за эти дни свободно вздохнула.

Приговор не был приведен в исполнение. Белый Дом стоял, по-прежнему почти безоружный против окружавших его стальных колонн, а люди в зеленых мундирах лихорадочно искали другое решение, надеясь еще переиграть то, что так и не состоялось, что было нарушено и сломлено кем-то, еще более могущественным, чем вся стальная мощь, окружившая замершую в ожидании Столицу.

Глава 1. Белый Дом

Келюс сторбился на неудобном металлическом стуле, тщетно пытаясь заснуть. Стул явно не был предназначен для ночного отдыха, но выбирать не приходилось – в комнате на всех не хватало даже стульев. Спать хотелось невероятно, но Келюс все-таки с куда большим удовольствием спустился бы вниз, где глухо гудела гигантская толпа, окружавшая Белый Дом. Однако покидать комнату ни он, ни остальные не имели права.

Первый день в Белом Доме прошел почти незаметно. Все было внове и как-то нестрашно, скорее напоминая очередной митинг – только трибуной теперь служила броня бронетранспортера. Ораторы, как обычно, сменяли друг друга, наконец появился Президент, бросивший в толпу несколько коротких жестких фраз. Келюс аплодировал вместе со всеми, привычно посмеиваясь над президентским аканьем и подсчитывая знаменитые «шта-а-а», разносившиеся над площадью. Однако с наступлением темноты настроение изменилось. У бетонных стен осталось не более трех сотен добровольцев, не было ни оружия, ни теплой одежды, а в ближайших переулках уже гудели танковые моторы.

Келюс остался. Пересидеть ночь в теплой квартире у настроенного на волну «Свободы» радиоприемника было попросту стыдно. К тому же его не держало то, отчего не вышли на площадь другие: родители, семья, работа. В свои двадцать семь Келюс был волен выбирать дорогу сам.

Впрочем, его ждал дед. Но старик, полный тезка – Николай Андреевич Лунин – в эти дни стоял по другую сторону бастионов, с теми, кто окружил танками Белый Дом и поднимал в воздух вертолеты, готовясь размазать Келюса и его товарищей по бетонным плитам набережной. Дед тоже был свободен и сам сделал свой выбор.

...Лунин-старший оставался последним и единственным из всех известных Келюсу родственников. Они жили вдвоем после того, как десять лет назад родители Николая погибли в рухнувшем над Гималаями самолете по пути в Дели, где отец работал советником посольства. Дед почти не менялся, хотя возраст его приближался к девяти десяткам, и Келюсу порой становилось не по себе при мысли, что он живет под одной крышей с современником русско-японской войны и большевиком доперекопского призыва.

Сам Келюс вышел из партии еще весной, что, собственно, и обеспечило ему полную свободу в последующие месяцы. Руководство института, где Лунин-младший преподавал историю, уволило его почти мгновенно, сославшись на счастливо подвернувшееся сокращение штатов. Николай пожал плечами, не став искать защиты ни у друзей-демократов, ни у деда, грозившегося надеть свои награды за три войны и отправиться искать правды в серый Вавилон Центрального Комитета. Возвращаться на работу не хотелось. Келюс читал газеты, с недоверчивой усмешкой просматривал телевизионные новости и ждал неизбежного – того, что и случилось в этом августе.

Итак, Лунин-младший не ушел, и первая, страшная и безнадежная ночь пощадила тех, кто вместе с ним редкой цепочкой прикрывал подъезды Белого Дома. Наутро же, когда стало ясно, что обошлось, площадь вновь наполнилась народом. Замелькали видеокамеры суетливых репортеров, снова выступал Президент, еще более резко и зло кидая в толпу свои знаменитые «шта-а-а». Появились крепкие неразговорчивые офицеры в пятнистых камуфляжных куртках, прогрохотало и замерло посреди площади несколько танков под полузабытыми трехцветными штандартами, и Николая впервые накормили горячим обедом. Защитников делили на отряды, баррикады срочно укреплялись бетонными плитами, а ближе к вечеру прошел слух, что скоро начнут выдавать оружие. Офицерам запаса было велено собраться у одного из подъездов, после чего последовал приказ подняться в одну из бесчисленных комнат Белого Дома и ждать распоряжений.

Так Келюс очутился на неудобном железном стуле. Несколько раз в комнату заходили офицеры в пятнистых куртках, вызывая то одного, то другого из резервистов, но до Николая очередь все не доходила.

...Он все-таки задремал, но быстро проснулся, почувствовав, что кто-то вошел. Николай открыл глаза, мотнул головой и вскочил. Перед ним стоял Генерал, тот, кто руководил обороной Дома – высокий, широкоплечий, в своей уже примелькавшейся десантной куртке без погон. Не очень соображая спросонья, Лунин поспешил на всякий случай назвать свою фамилию и звание – старший лейтенант, – которым втайне от своих интеллектуальных знакомых немного гордился. Слово «запаса» он предпочел опустить.

– Я вас, кажется, знаю, товарищ старший лейтенант? – негромко поинтересовался Генерал.

– Так точно, – отчеканил Келюс. – Избирательная кампания. Был в группе поддержки!

Генерал задумался, затем, похоже, вспомнив, улыбнулся.

– Стрелять умеешь?

Генеральское «ты» немного покорило, но Лунин тут же одернул себя, поспешив заверить, что стрелять обучен, хотя в последний держал в руках автомат два года назад.

– Хорошо. Пошли!

Генерал повернулся и направился к двери. Николай поспешил за ним, чуть не столкнувшись у входа с кем-то в пятнистом камуфляже, явно из числа генеральской охраны. Втроем они двинулись куда-то вглубь бесконечных, плохо освещенных коридоров. Генерал шел впереди, Келюс и некто в камуфляже – следом. Случайный спутник оказался необычным. Вначале Келюс принял его за узбека или казаха, но затем, присмотревшись, мысленно окрестил его «Китайцем», хотя и на китайца тот явно не походил – разве что разрезом узких глаз. Парень был невысок, но крепок и явно видал виды. На Лунина он даже не смотрел, и тот уверился что Китаец скорее всего телохранитель.

Свернув в очередной коридор, они оказались перед металлической дверью, которую охранял высокий усатый парень в синей куртке. Ствол автомата тут же дернулся в сторону пришедших.

– Со мной! – пояснил Генерал, и «калаш» опустился.

– Свободен. Автомат отдашь ему, – последовал кивок в сторону Лунина. – Иди отдыхай. Спасибо!

Парень в синей куртке молча передал Николаю автомат и два рожка патронов, пожал руку Генералу, улыбнулся и направился к выходу. Келюс, принявшийся рассовывать рожки с патронами по карманам куртки, случайно, боковым зрением, заметил, как Генерал указывает Китайцу на парня в синем, а тот кивает в ответ. Даже не кивает – слегка опускает веки...

Впрочем, размышлять о смысле этой пантомимы не было времени. Генерал поинтересовался, помнит ли Лунин караульный устав, затем задумался, зачем-то вновь оглянулся...

– Станешь тут. Задача: к двери никого не подпускать, кроме Президента, меня и его.

Уточнений не последовало, но Келюс понял, что Генерал имеет в виду все того же Китайца.

– Из комнаты без меня или его никого не выпускать. Если выйдут с оружием, бей без предупреждений. Вопросы?

Вопросов Лунин решил не задавать, хотя мало что понял. Генерал, привычным движением поправив автомат на плече Николая, вновь подумал...

– Слушай! Тут могут появиться парни в черном – один или несколько. Ты их узнаешь – у них морды красные. Главный там – майор Волков, Всеслав Волков. Увидишь – бей сразу, даже если они из комнаты выйдут. Ясно?

Келюс вновь предпочел не переспрашивать. В конце концов, почему бы в охраняемой комнате не прятаться красномордым парням в черном с майором Волковым во главе?

Генерал ушел, а Китаец, внимательно взглянув на Лунина, неслышно проскользнул в охраняемую дверь. Николай поудобнее пристроил автомат на плече и приготовился скучать.

Минут десять было тихо. Затем дверь отворилась, на пороге появился давешний Китаец, причем не один. Рядом с ним был некто в темном балахоне, который Келюс вначале принял за дождевик. «Дождевик», однако, был из черной ткани, да еще с капюшоном, почти полностью скрывающим голову. Лишь на миг Лунин сумел разглядеть странное пепельное лицо, покрытое глубокими морщинами, маленькие раскосые глаза и решил, что здесь собрались одни китайцы...

«Или не китайцы? – задумался Николай. – Таких недавно Сенкевич в „Клубе кинопутешественников“ показывал. Тибетцы, что ли? Вот бином!»

... Слово «бином», часто употребляемое Келюсом и вслух и про себя, свидетельствовало о глубоком недоверии к математике, с которой он рассорился еще в средней школе.

Оба китайца (тибетца?) постояли несколько минут у двери, затем тот, что помоложе, кивнул Николаю, показывая, что старика должно пропустить. Келюс не возражал, и тот неслышными мелкими шагами скрылся в глубине коридора, Китаец же вернулся в странную комнату.

Еще минут через десять вдалеке послышались тяжелые шаги. Лунин собрался было взять автомат наизготовку, но из полумрака коридора показался Президент. Рядом с ним семенил старик-тибетец. Николай невольно сглотнул и стал по стойке «смирно». Президент улыбнулся улыбкой человека, которому приходилось делать это весь день без всякой на то охоты, протянул Келюсу руку, после чего, не сказав ни слова, скрылся за дверью.

«Все ясно! – решил Лунин, забрасывая автомат за спину. – Узел связи!»

Все действительно стало ясно – кроме красномордых бандитов с майором Волковым во главе. Их-то по связи не передашь, а подземный ход в многоэтажной громаде не построишь. Да и старик в балахоне мало походил на оператора ВЧ.

Вскоре дверь вновь открылась. Послышался громкий голос Президента, но на пороге показался не он, а совсем другой человек. Келюсу стало жарко – он узнал незнакомца. Тому нечего было делать в Белом Доме. В эти минуты он должен был находиться не здесь, а там, где готовилась атака и скапливались танки...

Лунин не без удовольствия направил ствол автомата в сторону странного визитера, решив взять его в плен. Человек, место которому было явно не здесь, при виде оружия испуганно дернулся, прижавшись к стене. Николай уже составлял про себя историческую фразу, пытаясь избежать анахронического выражения «враг народа», когда из комнаты вышел Президент и, уяснив ситуацию, успокоительно махнул широкой ладонью. Автомат пришлось опустить, Президент, улыбнувшись Лунину уже по-настоящему, взял побледневшего гостя под руку и повел по коридору вглубь здания. Глава государства шагал широко, и пришельцу приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Николай невольно почесал затылок и решил ничему не удивляться.

На какое-то время все стихло. Примерно через полчаса из комнаты вышел Китаец и быстро направился туда, куда ушел Президент. Келюс даже бровью не повел. В этот момент он героически боролся с искушением выкурить сигарету, хотя и помнил, что на посту курить не положено. Рука уже лезла в карман, но тут в совсем рядом послышались приглушенные голоса. Загадочная дверь приоткрылась, из комнаты выскочил старый тибетец, попытавшись загородить собою проход, но его достаточно невежливо отпихнули. На пороге появились новые гости.

Тут уж сомнений быть не могло. Николай, наведя ствол прямо на дверь, гаркнул: «Стой! Ни с места!» Перед ним, с недоверием и опаской поглядывая на автомат, застыли шесть генералов в полной форме. У одного на погонах неярко блеснули шитые золотом звезды, и Келюс узнал того, кто утром выступал по телевидению с требованием капитуляции Белого Дома.

– Нам к Президенту! – громко, хотя и несколько неуверенно заявили «большие звезды», но Келюс лишь повел автоматом в его сторону, для убедительности передернув затвор. Мелькнула и сгнула мысль, что придется стрелять в людей – впервые в жизни.

Генералы принялись совещаться. До Лунина долетело: «штатский» и «вот сволочь!» Затем «большие звезды» попытались начать переговоры:

– Товарищ солдат!..

– Старший лейтенант! – процедил Лунин. – Стоять на месте, бином. Стрелять буду!

Трудно сказать, что подействовало больше – звание или «бином», но гости тут же замолчали. Николай же, несколько очумевший от происходящего, ожидал теперь всего – даже майора Волкова с ротой головорезов в черном.

Сзади слышались шаги. Келюс на всякий случай прижался к стене, но из глубины коридора показался старый тибетец, а следом спешил Генерал. При виде его «большие звезды» засуетились, торопливо поправляя мундиры, но тот поморщился и гаркнул: «Вон!» после чего добавил несколько истинно народных слов. Через секунду в коридоре остались лишь Лунин и Генерал – старый тибетец поспешил в таинственную комнату вслед за незадачливыми гостями. Генерал буркнул: «Крысы!», бросил Николаю: «Молодец!» – и поспешил обратно.

Лунин, почти уже разучившийся изумляться, рассудил, что «большие звезды» решили поторговаться с Президентом, почуяв, что пахнет паленым. Вопрос лишь, как они оказались в комнате на восьмом этаже? Келюсу представилась вертолетная площадка на крыше Белого Дома, соединенная винтовой лестницей с таинственной комнатой. Затем воображение разыгралось, и он занялся составлением плана подземных тоннелей, соединенных с комнатой сверхсекретным лифтом для обслуживания которого почему-то требовались исключительно тибетцы.

...Генерал возвратился очень быстро, прошел за дверь и через несколько секунд вернулся вместе со стариком.

– Пост сдашь мне, – велел он Лунину, потом забрал автомат, пожал руку и приказал возвращаться в комнату с металлическими стульями. Уходя, Николай слышал, как Генерал и тибетец о чем-то шепчутся. Келюс, вспомнив странную пантомиму, сопровождавшую предыдущую смену караула, рассудил, что речь теперь идет о нем самом. Эта мысль почему-то не доставила ему ни малейшего удовольствия.

В комнате отдыха Келюс застал изрядную суету – трое офицеров в пятнистых комбинезонах записывали резервистов в какие-то списки. Лунин поспешил присоединиться к остальным и оказался в группе, направляемой к путепроводу № 2, куда уже приближалась механизированная колонна.

На улице лил дождь. Плаща у Николая не было, а воевать под зонтиком он счел ниже своего достоинства. Впрочем, зонтика ему тоже не предложили. Келюс решил героически терпеть, тем более что в подобном положении оказались сотни других добровольцев, да и дождь потихоньку слабел.

Они стали кордоном поперек путепровода. Парень в штатском, но с неистребимой военной выправкой отдавал приказы; откуда-то сзади подносили куски брезента и бутылки, измазанные липкой маслянистой жидкостью. Это было все, что добровольцы могли противопоставить броне и пушкам. Лица терялись в темноте, и при редких вспышках света Николай долго не мог найти ни одного из знакомых. Внезапно он заметил усатого парня в синей куртке, которого сменял на посту. Лунин с некоторым удивлением сообразил, что почти начисто забыл о двух часах, проведенных у странной двери. Возникающие ниоткуда генералы и Президент рядом со стариком-тибетцем казались теперь персонажами голливудского триллера. Главное решилось не в темных коридорах, а здесь, на мокром асфальте.

Николай вспомнил, что давно хотел покурить. Оглянувшись вокруг и не заметив ни у кого из соседей зловещей бутылки, он достал сигареты...

– Сгорим, однако!..

Это произнес его сосед – очень высокий парень в военном плаще с капюшоном. Келюс присмотрелся: под плащом у парня топорщилась бутылка явно не с минеральной водой.

– Как выйдет, – отозвался он, на всякий случай отодвигаясь. – Кысмет, бином!

– Кысмет! Вот, елы, два года прослужил, а такой пакости не видел!

Лунин, подождав несколько секунд и убедившись, что бутылка самовозгораться не собирается, осмелел и вернулся на место.

– Это они в 41-м придумали, – пояснил он, вспомнив читанное еще в студенческие годы. – Гранат и базук не было, вот и учудили. «Молотовский коктейль»! А вообще-то говоря они... гм-м... порою и сами... того.

– Язви в карету!.. – протянул парень, осторожно поправляя бутылку в кармане плаща. – А ты здесь со вчерашнего?

– С полудня, – с достоинством ответил Келюс. – А ты?

– Не-а, я лишь два часа, как из Тулы приехал. У знакомых был, а тут заваруха. Я, как узнал утром, что отбились, решил и сам...

– Келюс, – представился бывший преподаватель. – Хотя вообще-то Николай.

– Фрол, – в свою очередь назвал себя парень. – Хотя вообще-то Фроат.

Рука Фрола оказалась раза в два шире, чем у Лунина, да и пожатие вышло хотя и вежливым, но чувствительным.

– Ты что, иранец?

– Не-а, не иранец, – вздохнул Фрол-Фроат. – Русский я – по паспорту. По паспорту все мы русские...

– Точно, – согласился Келюс. – Я вот, украинец, а то и вообще, караим.

– А я думал, француз, – засмеялся парень. – Келюс, это вроде из «Королевы Марго»?

– Из «Графини Монсоро». В детстве прозвали – потому что Коля. А ты из какого романа?

– Про нас романы не пишут, – с некоторой грустью заметил Фрол. – Я – дхар, мы с Урала.

– А, малые, малочисленные, – понял Лунин, всматриваясь в своего нового знакомого. На чукчу или эвенка тот определенно не походил. Типичный русак, правда скуластый, а так – хоть сразу под Рязань.

– Малочисленные – это точно. А насчет малых, так какие, елы, мы малые? У нас средний рост метр девяносто пять. Я, считай, недоросток.

– А сколько? – осторожно спросил Николай, прикидывая, что Фрол выше его на целую голову.

– Метр девяносто один, – печально констатировал тот. – Недобрал. Батя мой, считай, под два метра.

– Да-а...

– А я тут китайца видел, – между тем сообщил дхар. – Интересно, наш он или ихний?

– Старый? В балахоне? – Лунин сразу вспомнил странную комнату.

– Не-а, молодой.

– В камуфляже?

Китаец, если Фрол не ошибся и не напутал, был уже третьим, кто имел отношение к странном комнате. И все трое оказались практически в одном и том же месте.

– В камуфляже, – кивнул дхар, и Николаю отчего-то стало не по себе.

Между тем толпа заволновалась. Откуда-то сбоку вынырнул штатский с военной выправкой и тут же прозвучало: «Колонна на подходе». Проспект был по-прежнему пуст, но, вслушавшись, Келюс уловил глухой гул, а через минуту вдали замигали отблески фар – по проспекту шли бронетранспортеры. Издали машины казались игрушечными, словно из набора оловянных

ных солдатиков. Но постепенно «бэтээры» приближались, вырастая на глазах. Здесь, в городе, они смотрелись как-то дико, ненормально. Может быть поэтому машины казались огромными, куда большими, чем на самом деле.

– Ну, елы, приехали, – прокомментировал Фрол. – Они приехали, а мы, в карету, приплыли!

По толпе передавались последние приказы. Было велено не бежать, стоять на месте, а в случае атаки использовать брезент для смотровых щелей. Про бутылки с «коктейлем» ничего пока сказано не было.

Колонна приближалась не спеша, а метрах в пятидесяти от толпы сбавила ход до минимума.

– Сейчас станут, – пообещал Лунин, очень желая этого.

Машины действительно остановились. Бронетранспортеры стояли с задраенными люками; моторы продолжали работать, и от машин шел удушливый запах горелой солярки. Впереди «бэтээров» замерли два гусеничных чудовища – боевые машины пехоты, направив стволы своих коротких пушек прямо на людей. Николай явно не к месту вспомнил, что в армии БМП называют «братской могилой».

– Сейчас убалтывать будут, – предположил Фрол, в очередной раз вынимая из кармана зловещую бутылку.

– Не трогай, – попросил Келюс, с опаской наблюдая за соседом. – Ты... плащ испачкаешь.

– А он не мой, – равнодушно отреагировал дхар. – Выдали – казенный. О, гляди, вылезит! Сейчас матюгальник возьмет...

Последнее относилось к офицеру в черном комбинезоне, появившемуся из люка «братской могилы». Он действительно взял мегафон, стал на броню и прокашлялся. Толпа засветела.

– Внимание! – гаркнул мегафон. – Согласно приказу коменданта города мы должны двигаться этим маршрутом. Немедленно освободите проезжую часть! Повторяю...

Свист усилился, из толпы вылетели несколько пустых бутылок, со звоном разбившиеся о борт БМП. Офицер вздрогнул, переступил с ноги на ногу.

– Я ж вам русским языком!.. Товарищи! У меня приказ! Вы что, не понимаете?!

Очередная бутылка разбилась прямо у ног говорившего, свидетельствуя об окончании переговоров. Офицер, напоследок гаркнув в микрофон нечто совершенно недипломатичное, скрылся в люке, и через минуту моторы головных машин зарычали.

– Ну все! – решил Фрол, взвешивая в руке «молотовский коктейль». – Сейчас, елы, попрут.

– Спрячь, – посоветовал Лунин. – Они еще в войну поиграют.

Фрол подумал и последовал совету. Моторы, порывав немного, взревели, и машины двинулись вперед. Толпа попятилась, но устояла. Ряды сомкнулись, те, кто стоял впереди, уже не прячась, готовили куски брезента.

Николай не ошибся. Пока это еще была «игра в войну» – не доезжая метра до первой шеренги, «бэтээры» остановились, обдавая толпу ревом и удушливым сизым дымом. Чей-то плащ накрыл смотровую щель одной из машин. Чудовище дернулось, подалось назад, а затем внезапно рванулось прямо на людей.

По рядам прошелестело: «Бутылки!». Первые ряды распались, на какой-то миг вокруг ослепленного монстра образовалась пустота, но затем несколько смельчаков взобрались на броню. Упала сбита ударом лома антенна, сразу два плаща накрыли перископы. Машина еще раз взревела и остановилась.

Кто-то крикнул: «Ура!», и почти одновременно лягнули гусеницы – обе «братские могилы» двинулись вперед. Одна за другой разбились о броню несколько бутылок, на этот раз уже не пустых, черная жидкость потекла по бортам...

– Не горят! – закричал Келюс, отступая вместе с Фролом перед самым носом одной из «бээмпэшек».

– Ниче, загорится, елы! – пообещал дхар, отходя в сторону и пропуская бронированный передок машины. «Братская могила» неторопливо наступала, и тут Фрол коротким, неуловимым движением качнул бутылку на ладони и почти не размахиваясь, метнул. Лязг гусениц и шум толпы заглушили звон стекла. Николай решил было, что дхар промахнулся, но через секунду над кормой машины высоко вверх взлетело темно-желтое пламя.

– В мотор! – радостно завопил Келюс. – Ты накрыл двигатель!..

– Учили, в карету его! – пожал плечами Фрол. – Эх, «калаш» бы сюда...

Через минуту горели уже четыре машины. Открывались люки, экипажи выскакивали на броню. Первый выстрел раздался так неожиданно, что Лунин даже не сообразил, что произошло, но вот ударила автоматная очередь, затем другая... Солдаты били по толпе сверху, стоя на броне, спрятаться было негде, отбежать – тоже. Сзади уже стреляли в ответ – у кого-то нашлось нечто посерьезней брезента и бутылок. Вдруг совсем рядом с Николаем мелькнуло освещенное неровными отсветами пламени знакомое лицо. Келюс узнал Китайца, но удивиться не успел – горящий БМП вздрогнул, дернулся и начал разворачиваться. Кто-то крикнул, несколько человек попыталось вскочить на броню, но с соседней машины дали несколько очередей. Двое добровольцев упали, остальные соскочили вниз, «братская могила» остановилась поперек шоссе и вдруг, лязгнув гусеницами, пошла вперед, прямо на Лунина. Фрол, отнесенный в сторону толпой, оказался в безопасности, а Николай, словно замороженный, застыл перед приближающимся монстром. Лобовая часть машины была уже в каком-то метре, когда он наконец очнулся и одним прыжком оказался в стороне. Но тут совсем рядом мелькнуло знакомое лицо с раскосыми глазами, и сильный удар бросил Лунина назад, прямо на теплую влажную броню. Николай успел подумать, что надо выставить вперед руки, услышал близкую автоматную очередь... Удара он почти не почувствовал. Перед глазами мелькнул край борта, покрытого грубой зеленой краской, блеснул яркий свет, такой неуместный среди ночи, глазам стало больно...

Очнулся Келюс от боли. Открыв глаза, он увидел над собою темное, покрытое низкими тучами небо, провел рукой по лицу, поднес к глазам, отдернул – кисть оказалась в крови.

– Не дрейфь, Француз, не твоя, – услышал он знакомый голос. – Че, сильно болит? Двигаться можешь?

– Могу, наверное, – неуверенно предположил Лунин, приподнимаясь и с трудом соображая, что рядом с ним Фрол, а вот «Француз», не иначе, он сам. От первого же движения проснулась боль, и Николай еле нашел в себе силы, чтобы осмотреться. Он лежал на асфальте у стены путепровода. В нескольких метрах бурлила толпа, горели бронетранспортеры, но здесь было тихо. Фрол сидел рядом, как-то странно сгорбившись. Келюс присмотрелся: руки и лицо дхара были в крови.

– Запачкал тебя, пока волок, – сообщил Фрол и, скривившись, перехватил левую руку правой. – Стал тебя из-под гусениц вытаскивать – зацепило, язвы в карету! И ведь, елы, сзади били. Не иначе – свои.

Лунин вспомнил лицо Китайца, толчок в спину, но смолчал. Говорить об этом не хотелось.

– У тебя бинт есть?

– Да откуда, елы? – удивился тот. – Я ведь не аптека! Ниче, отдышусь – двинем.

– Кровь... – начал было Николай, но Фрол лишь поморщился:

– Не пропаду. На мне, елы, как на собаке. Уже почти перестало.

Келюс решил не спорить и вновь огляделся. Метрах в десяти возле самой стены несколько человек возились вокруг кого-то неподвижного. По тому, как они суетились, Лунин понял, что помощь уже опоздала. Он кашлянул, пробуя голос...

– Эй, сюда! Здесь раненый. Скорее!

От группы отделился офицер в камуфляже. Увидев Фрола, он растерянно произнес «ага» и достал из кармана индивидуальный пакет.

– Не надо, – буркнул дхар, вставая. – Носилки ищи, командир – парень башкой ударился. Я и сам доберусь.

Николай попытался было возразить, но волна боли вновь захлестнула его, пришлось закусить губу, чтоб удержать крик. Офицер исчез, но через минуту вернулся вместе с несколькими добровольцами в штатском. Откуда-то появились носилки. Пока Келюса укладывали, боль озверела, начав пульсировать так, что глаза застлала желтая пелена. Лунин услышал, как Фрол отказывается от помощи, уверяя, что дойдет сам. Затем Николая подняли и понесли в противоположную от места боя сторону мимо неподвижно лежавшего у стены человека. Келюс скосил глаза и увидел парня в синей куртке. Несмотря на залитое кровью лицо, Лунин сразу узнал его. Похоже, эта ночь оказалась несчастливой для всех, кто охранял странную дверь на восьмом этаже Белого Дома.

Окончательно Николай пришел в себя в каком-то коридоре. Он лежал на матрасе, рядом, тоже на матрасе, сидел Фрол, левая рука которого висела на перевязи, а перед ним расположился старик в белом халате. Он неторопливо водил ладонями над плечом Фрола, что-то тихо приговаривая.

«Экстрасенс», – решил Келюс, и ему стало интересно. Экстрасенсов он встречал часто, но в больницах сталкиваться с ними еще не приходилось. Лунин прислушался, но ничего не понял – старик говорил на совершенно непонятном языке. Николай, овладевший в университете джентльменским набором историка – английским, французским со словарем и латынью в избранных цитатах, все же мог поручиться, что слова не принадлежали ни одному из европейских языков. И тут, к изумлению Келюса, Фрол ответил на том же наречии, засмеялся и начал что-то рассказывать. Слова казались чем-то знакомыми, но услышав нечто вроде «дхар-ат гел асни гха», Лунин наконец, догадался:

– А, дхары всех стран! – произнес он, приподнимаясь и пытаясь сесть. Голова по-прежнему болела, но двигаться было все же можно.

– Наше вам мерси! – с достоинством ответил Фрол. Человек в халате повернулся и с интересом взглянул на Николая. Того так и подмывало спросить: «Доктор, доктор, я умру?», но тут ему вновь стало худо. Пришлось опуститься на матрац и закусить губу, чтоб сдержать стон. Доктор сочувственно посмотрел на Лунина, покачал головой и медленно провел ладонью над его лицом. Николай ощутил, как боль сразу утихла и отступила. Он снова мог вздохнуть полной грудью.

– Ничего, воин Николай, – произнес старик, неспешно водя руками над его головой. – Сейчас пройдет...

Келюс хотел спросить, не сотрясение ли у него, но заколебался, не зная, как обращаться к старику. Доктор не походил на обычного врача из районной больницы. Даже лицо его казалось необычным. Большие, близко сидящие глаза почти не мигая смотрели из-под седых бровей, русая с проседью борода была аккуратно подстрижена, но не это было главным. Странный врач был... каким-то не таким, особенным. «Эмигрант, что ли», – мельком подумал Лунин и как можно непринужденно произнес:

– Профессор, что у меня с э-э-э... черепушкой?

Старик улыбнулся, и Николай вдруг понял, что неизвестный врач очень стар, может даже старше его деда-большевика.

– Цел ваш сосуд скудельный. Однако же удар был преизряден, посему главою зря не вертите и в речах обильны не будьте. А профессором меня величать не по чину. Зовите, ежели охота станет, Варфоломеем Кирилловичем...

– Но мы победили?

Келюс сам не понял, кому задал вопрос, а потому не удивился, услышав два ответа:

– Но пасаран, Француз! – Фрол показал правой – не раненой – рукой знак «V». – Отбились, язвы в карету! Теперь не сунутся.

– Сила победила силу, – задумчиво произнес старик, отвечая то ли Лунину, то ли собственным мыслям. – И ко благу ли сие, покуда неведомо...

– Варфоломей Кириллович, вы что, толстовец? – поразился Келюс и даже привстал с матраца.

– Учение графа Толстого, воин Николай, – серьезно ответил старик, продолжая водить ладонями над лицом Лунина, – не сводится отнюдь к подставлению левой щеки вослед за правой. Оно глубоко и весьма нравственно, однако же одобрить его не могу, ибо в основе оно нецерковно, а посему – неплодотворно. Что же касемо победы, то воин Фроат прав. Сегодня все кончится. Во всяком случае – пока...

– А откуда вы дхарский знаете? – не унимался Келюс, сообразив, что старик назвал Фрола его настоящим именем.

– Сие нетрудно, – Варфоломей Кириллович твердой рукой остановил попытавшего приподняться Лунина. – Друг мой отец Степан служил в земле Пермской и Югорской, что ныне Коми-республикой прозывается. Он писал мне о дхарах. Заинтересовался ими и я, грешный. Язык их непростой, но не труднее прочих...

«Ну, конечно! – осенило Келюса. – Он же священник, бином! Как же я сразу не понял?»

Он хотел было спросить и об этом, но как-то не решился. Между тем Варфоломей Кириллович велел «воинам Фроату и Николаю» лежать смирно после чего удалился.

– Серьезный дед! – рассудил, дхар, а затем, перейдя на шепот, добавил: – Пока не вернулся, скажу... Слышь, Француз, а ведь тебя под «бээмпэ» пихнули. Свои, елы!

– Знаю, – так же тихо ответил Лунин. – Китаец... Он, наверное, и того парня, что у стены. Помнишь?

– Ну, гад! – скрипнул зубами Фрол. – Добраться бы...

Николай пожал плечами. В то, что до Китайца легко добраться, не верилось. Скорее, верилось в противоположное.

В коридоре зашелестели шаги. К молодым людям приблизилась стайка девиц в белых халатах, сопровождаемая пожилым врачом со стетоскопом в нагрудном кармане. И тут Келюс окончательно уверился, что Варфоломей Кириллович – не врач или, по крайней мере, не совсем обычный врач. Во всяком случае, медсестры и служитель Эскулапа так и не смогли объяснить, кто же оказал Лунину и Фролу первую помощь. По мнению доктора со стетоскопом, ночью в горячке боя вместо медпункта их отнесли в этот коридор, и кто-то, не из числа врачей Белого Дома, пытался их лечить. При этом доктор то и дело поглядывал на окровавленную рубашку Фрола и качал головой, из чего со всей очевидностью следовало, что с огнестрельными ранениями он сталкивается далеко не каждый день.

– ...Ну, и долго мы будем здесь валяться? – поинтересовался Келюс, с удовольствием затягиваясь сигаретой.

Они лежали в переоборудованном под госпиталь медпункте Белого Дома. За окном был вечер. Двоих тяжелораненых, попавших сюда ночью, еще утром увезли в больницу, и в медпункте вместе с молодыми людьми оставался только милиционер, подвернувший прошлым вечером ногу. Страж порядка то и дело ковылял на здоровой конечности к телефону, ведя длительные переговоры с супругой.

– А по мне – хоть сейчас рванем, – пожал плечами Фрол. – Я уже, почитай, здоровый. Только идти некуда. Не в Тулу ж, елы, на ночь глядя ехать!

Рана Фрола действительно затягивалась на глазах, изрядно удивляя врачей. Дхар, еще раз заявив, что на нем все заживает как на собаке, категорически отказался ехать в больницу. У Келюса дела шли похуже – боль почти исчезла, но слабость приковывала к койке, мешая двигаться.

...Они уже успели побывать героями дня, дав интервью дюжине корреспондентов, провавшихся в медпункт несмотря на запреты врачей. К Лунину и его товарищу то и дело забегали какие-то весьма солидные люди, жали руки и неискренними голосами спрашивались о здоровье. На минуту зашел Президент, поздоровался, но о здоровье спрашивать не стал, поинтересовавшись лишь, не нужна ли помощь. Фрол и Келюс промолчали, зато милиционер тут же начал рассказывать про свою однокомнатную «хрущевку», в которой уже десятый год живет его семья. Президент, не дослушав до конца, рассеянно кивнул и удалился. К вечеру все успокоилось. Радио сообщило о полной победе и капитуляции врага, победители занялись делом, и раненых наконец-то оставили в покое. И сразу стало скучно.

– Вот что, – решил Николай. – Посплю часок, потом поедem ко мне. У меня четыре комнаты и один дед, если его, конечно, не арестовали за большевизм. Не ночевать же здесь, в самом деле! Разбудишь?

– Угу! – пообещал Фрол. – А знаешь, Француз, лихо этот старик по-дхарски говорит! Даже я так не умею. Я было подумал, он дхар...

– Полиглот, бином, – рассудил Лунин и почти сразу же отключился.

...Келюса редко мучили кошмары, и снов он не боялся. Даже в самом глубоком забытии Николай чувствовал, что все это не по-настоящему, а значит всегда можно проснуться. Поэтому, увидав себя в полутемном, освещенном странным желтоватым светом, коридоре, он не испугался – это было не страшнее, чем случившееся минувшей ночью. Но вдруг Николай начал пробираться озноб. Он понял – сейчас произойдет непоправимое, и ему не убежать, не проснуться. Келюс успел подумать, что виною всему – контузия, но тут прямо из стены появился Китаец. Он шел развинченной странной походкой, широко улыбаясь, но глаза оставались при этом холодными и какими-то неживыми. Келюс хотел закричать, но голос не слушался, а ноги словно приросли к полу. Николай вдруг понял: это не сон, просто его не смогли добить ночью, и теперь нашли здесь...

И тут чья-то рука протянулась между ним и врагом. Высокий человек в сверкающей золотой парче шагнул вперед, знакомый голос произнес: «Не бойся, воин Николай!» Странный старик, которого он принимал то за врача, то за священника, махнул рукой, и Китаец, скаля крупные острые зубы, стал отступать, пока не растворился в серой штукатурке стены.

На сон не кончился. Келюса обдало ледяным холодом. Из той же стены появилось несколько коренастых фигур в черных куртках. Они не бежали, не шли, а плыли по воздуху, медленно, не касаясь пола. Впереди всех двигался высокий крепкий мужчина с очень красивым, но красным, словно набухшим кровью, лицом. «Черные куртки» скалились и подмигивали, в руках плясали автоматы, и Николай успел подумать, что теперь даже Варфоломей Кириллович не в силах ему помочь. Но старик в золотых ризах вновь поднял руку в запретительном жесте, красные лица исказились страхом, плавный бег замедлился, и враги начали таять, исчезая в полумраке. «Не бойся, воин Николай!» – вновь услышал Келюс, но тут стены дрогнули, сырой смрад пополз по подземелью, штукатурка, медленно кружась, начала опадать на пол. Лунин понял – на этот раз спасения нет. Он оглянулся, но Варфоломей Кириллович исчез, а сила, от которой – Николай чувствовал это – нет и не может быть защиты, приближалась, еще невидимая, но уже смертельно опасная... Он собрал все силы, закричал, дернулся – и открыл глаза, увидев рядом с собою Фрола.

– Ровно час, – для убедительности дхар показал циферблат. – Ну че, Француз, делаем ноги?

– Я кричал? – Келюс быстро встал с кровати. Как ни странно, сон помог, слабость отступила.

– Кричал? – удивился Фрол. – Нет, спал, как убитый, только побледнел чего-то. Ну что, в карету его, сматываемся?

– Всенепременно! – улыбнулся Николай.

Страшный сон уходил куда-то прочь, и теперь Лунина куда больше заботило другое: отпустят ли эскулапы, и как встретит их его твердокаменный дед.

Глава 2. Тайны уходящих

Лунину-старшему исполнилось восемьдесят девять. Ему везло в жизни: в 20-м, когда болезнь задержала молодого комиссара в госпитале, и он не попал под Перекоп, где легла костями вся его дивизия; в конце 30-х, когда нарком Лунин уцелел в ежовской мясорубке, перемоловшей его друзей. Повезло и в том, что Николай Андреевич умудрился дожить до Мафусаилового возраста, ничем серьезным не бодея и даже не пользуясь бесплатными путевками, полагавшимися ему как многолетнему члену Центрального Комитета, бывшему министру и ветерану партии с семидесятилетним стажем. Впрочем, сам Лунин-старший не считал себя везучим, пережив однополчан, друзей, брата, исчезнувшего в 37-м, сыновей, а главное – дело, которому посвятил жизнь. В тот день, когда танки ворвались в Столицу, у старика в последний раз вспыхнула надежда. Но те, кто пытался спасти идеалы его жизни, действовали настолько трусливо и бездарно, что уже к вечеру первого дня противостояния Николай Андреевич, махнув рукой, выключил старую «Спидолу». Назавтра он, не выдержав, вновь включил приемник, надеясь на чудо. Под утро, узнав о неудаче штурма, Лунин-старший аккуратно поставил «Спидолу» на место, выпил крепкого чаю и сел в кресло у двери. Все было кончено. Старику оставалось одно: ждать внука, ушедшего защищать его врагов, – непохожего, чужого, с которым он уже давно перестал даже спорить. Он ждал Келюса всю ночь и все утро, почти не вставая и ни о чем не думая.

Келюс и Фрол, не без труда вырвавшись из цепких рук медработников, убедились, что больше никому не нужны. На площади у опустевших баррикад кипел митинг, раскрашенные девичьи и столь же раскрашенные юноши хрипели под электрогитары песню про Андреевский флаг, чуть дальше стояла ровная шеренга танков, перешедших после прошлой ночи на сторону Президента. Общественный транспорт не ходил, а денег на такси как назло не осталось: Николай потратил их на сигареты, а дхар добирался из Тулы на последние рубли. Идея попросить машину у руководства была отвергнута, и они уже решили не спеша прогуляться по Столице, но тут им повезло. В толпе на площади Николай и Фрол столкнулись с одним из тех, кто навещал их в госпитале. Популярный артист, ныне ставший министром, не получил еще достаточной государственной закалки, а потому не только сразу же признал их, но тут же, ни о чем не расспрашивая, усадил в свою «Ладу», выяснив лишь, куда ехать.

Лунин жил в огромном сером Доме на Набережной, где когда-то обитала столичная знать, а ныне доживали свой век отставные бонзы. В доме, конечно, было полно молодежи, начисто забывшей или вовсе не знавшей его истории, но Николаю все же порой становилось не по себе при виде гигантского фасада, сплошь увешанного мемориальными досками. Выбитые в камне имена превращали фешенебельное жилище в колоссальный склеп, населенный тенями когда-то властвовавших, затем преданных, убитых, а ныне забытых всеми.

Квартира деда, где некогда обитала большая семья, от которой теперь остались старик и его внук, находилась на четвертом этаже. Этажом ниже много лет назад жил брат Лунина-старшего, двоюродный дед Келюса. Об этом человеке в семье обычно молчали, а если и говорили, то глухо и странно. Все было проще, если бы младший брат деда честно сложил голову в застенке, как и сотни других обитателей Дома. Но таинственный двоюродный дед, весело улыбающийся со старых фотографий, не погиб – исчез. Николаю порой казалось, что он где-то здесь, в лабиринтах гигантского здания. Он даже видел его в детстве – такого же молодого, в кожаной куртке и кепке, с небольшой острой бородкой, как на фотографиях. Но на все вопросы родители, а потом и дед, отмалчивались, и Николай, не веривший в привидения и прочую мистику, надеялся, что старик когда-нибудь расскажет ему и об этом.

Лифт не работал, и Келюс с Фролом начали не спеша подниматься по широкой лестнице. Между вторым и третьим этажами у Николая закружилась голова, его закачало и чуть не бросило на холодные ступени. Дхар подхватил его здоровой рукой и, несмотря на слабые попытки сопротивления, поволок наверх. Делал он это почти не напрягаясь, и Келюс имел еще один повод позавидовать своему новому знакомому. У высоких, обитых черной кожей дверей, Фрол аккуратно прислонил Лунина к стене и нажал кнопку звонка.

Старик открыл почти сразу. Он без всякого удивления посмотрел на дхара, на его перевязанную руку и куртку в засохшей крови, затем, словно зная все наперед, шагнул за порог, придерживая рукой Келюса, пытавшегося шагнуть навстречу.

– В голову?

– Ерунда! – по возможности весело ответил тот. – Ушиб, то есть травма... В общем, здравствуй, дед. Мы победили!

– Я Фрол, – попытался вмешаться в разговор дхар. – Мы с Николаем...

– Заходите, – прервал его Лунин-старший. Вдвоем они взяли Келюса под локти и повели в прихожую. Ноги у старика уже начинали отказывать, но сила в руках еще оставалась. Вскоре Лунин-внук был благополучно уложен на диван в большом кабинете, где по стенам висели портреты Основоположников.

– Лунин Николай Андреевич, – представился старик. – Дед этого врангелевца. Фрол... простите?

– Соломатин Фрол Афанасьевич. Мы с Николаем... Ну, в общем...

– «Скорую» вызвать, товарищ Соломатин? – вновь перебил старик.

– Ну что ты, дед! – вмешался Келюс, поудобнее устраиваясь на диване. – Сразу товарищем обзываешься. «Скорой» не надо, ты бы лучше чаю соорудил. А еще лучше – кофе.

– Николай Андреевич, зовите меня по имени, – несколько смущенно предложил дхар. – «Скорой» и вправду не надо, мы как раз из госпиталя.

– Его на самом деле зовут Фроат, – сообщил Келюс, закуривая сигарету. – Он из древнего и великого народа дхаров, репрессированного в годы культа личности.

Дед никак не отреагировал на эту реплику, еще раз внимательно посмотрел на Фрола, потом на внука, покачал головой и сел в кресло.

– Валидол, – шепнул Николай, хорошо знавший старика, – на письменном столе...

– Не надо, – возразил Лунин-старший. – Я так посижу. Фрол... или Фроат, как лучше?

– Все равно, – махнул рукою дхар. – Как больше нравится.

– Так вот, Фроат. Расскажите, пожалуйста, что с вашей рукой, и что у этого защитника Зимнего с его... Даже не знаю, как назвать эту часть тела...

Фрол постарался рассеять опасения Николая Андреевича, упомянув о госпитале и об экстрасенсе Варфоломее Кирилловиче, для убедительности добавляя неизменное «в карету». Дед слушал молча, не открывая глаз, затем вновь покачал головой и, с трудом поднявшись, направился на кухню варить кофе.

– Силен, – заметил Келюс. – Фрол, взгляни, много на столе валидола осталось?

– Одна штука, – сообщил дхар, – и две пустые упаковки, елы.

Кофе пили на кухне. Николай, заявив, что уже выздоровел, добрался туда без посторонней помощи и с удовольствием принялся смаковать ароматный напиток, доставляемый знакомыми деда прямо из Бразилии. Его попытка поведать обо всем случившемся была пресечена в корне, и рассказывать было велено дхару. Фроат, в нерешительности почесав затылок, принялся не особо складно, с упоминанием «елы» и той же «кареты», излагать события прошлой ночи, сбиваясь, путаясь и все более смущаясь. Но старик слушал очень внимательно, то и дело подливая Фролу кофе и качая головой.

– Ясно, – констатировал он, когда дхар, наконец, выговорился. – Раскололи армию... Недурно им историю партии преподавали! Ну что, рады? За Корнилова, за родину, за веру?

– Ну, дед! – не выдержал Келюс. – Во-первых, не волнуйся. А во-вторых, что ты о Врангеле, да о Корнилове? Мы же не белогвардейцы!

– А кто? – глаза старика блеснули.

– Мы за свободу, – не особенно уверенно ответил внук.

– А ваш этот... Президент?

– Он... он тоже за свободу, – еще менее уверенно сообщил Келюс.

– Стыдись! – отрезал дед. – Историк, а мелешь чушь! Это гимназисты были за «свободу», и то недолго. Сразу ставь вопрос – какой класс стоит у власти! Эти, твои... Они-то знают, да вам пока не говорят...

– Ага! – загорелся внук. – Лучше, значит, танки, колхозы-совхозы, Гулаг, Афганистан и ГПУ?

– Еще не знаю, – мотнул головой Лунин-старший. – Пока не с чем сравнивать. Хотя могу догадываться. Трое уже погибли, вас, раненых, по сути, бросили. Мы своих раненых не бросали.

– Нас не бросили, – вяло возразил Николай. – К нам даже Президент заходил... И телевидение...

– Бросили! Итак, снова победа на крови – как раз то, в чем нас обвиняли. При штурме Зимнего мы потеряли тоже немного – шестерых. Лиха беда начало! Безоружные люди против танков – красиво и безопасно... тем, кто за их спинами. И хорошо, если те трое в самом деле погибли в бою, а не как-нибудь иначе...

Внук порывался возразить, но вдруг вспомнил окровавленное тело в синей куртке и промолчал.

– Все! – заключил дед. – Переодеваться и отдыхать. Фроат, я дам вам чистую рубашку, эту надо постирать. Я тоже полежу, не хочу быть четвертым в этом списке... победителей.

Весь следующий день Лунин-внук отдыхал, стараясь поменьше двигаться и ограничив свою активность телевизором и газетами. Эйфория победы, захлестнувшая эфир, как ни странно, не очень радовала. Фрол также провел весь день в квартире, изрядно скучая и то и дело порываясь выйти на улицу. Рана полностью затянулась, оставив лишь розовое пятно на коже, что поразило врача, вызванного старшим Луниным. Келюс также чувствовал себя вполне сносно, если не считать головокружения и легкой слабости.

Ближе к вечеру деду позвонили по телефону. Старик, выслушав чей-то долгий рассказ, накинул пиджак и вышел, обещав вернуться через минут через двадцать. Отсутствовал он, однако, больше двух часов, и Келюс начал уже волноваться, вспоминая, захватил ли старик валидол. Но дед вернулся внешне спокойный, пояснив, что был в гостях в соседнем подъезде. Пройдя в кабинет, он долго сидел за столом, о чем-то размышляя, затем позвал внука.

– Келюс, – начал он, кивая Лунину-младшему на кресло. – Надо поговорить.

Начало Николаю отчего-то весьма не понравилось.

– Я не прошу тебя давать честное пионерское, комсомольское или белогвардейское слово. Но если мы не сохраним кое-что в секрете, то без головы останемся оба – и ты, и я...

Лунина передернуло. Он понял, что дед не шутит – и тут же вспомнил лицо Китайца.

– Несколько часов назад один человек уже погиб. Он участвовал в... очень важном деле. Я бы с удовольствием не вмешивал тебя, но мы живем вместе, и об этом знают.

Николай Андреевич замолчал, переводя дух. Келюс потянулся к валидолу, но дед покачал головой:

– Не стоит... Несколько месяцев назад в Центральном Комитете был разработан план эвакуации наиболее секретных документов на случай, подобный нынешнему. Вчера поступил приказ, но человек, занимавшийся этим делом, был убит.

Келюсу снова вспомнился Китаец – и неподвижное тело в синей куртке.

– Он выпал из окна. Видимость самоубийства, он даже записку оставил... Но это не самоубийство, Келюс. У него были все связи, и теперь операция под угрозой. Завтра ваши будут штурмовать Центральный Комитет. На квартиру другого товарища, руководившего, так сказать, резервной линией, был налет, он ранен. Какие-то бандиты в черных куртках...

– Группа Волкова? – невольно вырвалось у Келюса. Старик взглянул удивленно, и внук поспешил пояснить:

– Мне о них Генерал рассказывал – опасался, что они могут ворваться в Белый Дом. Так что они не наши, а ваши.

– Может быть, – спокойно отреагировал Николай Андреевич. – Сейчас время измены. Большой измены, Келюс! А Волков... Если это тот Волков... Не удивлюсь!.. Итак, операция сорвана, но самые важные документы – несколько десятков папок – мы все же вынесли. Решено рассредоточить их по нескольким местам. На военном языке это называется «россыпью». Кое-что будет у нас дома. Я рискую своей и, к сожалению, твоей головой, но иного выхода нет. Конечно, если ты будешь последователен, то можешь позвонить прямо в Белый Дом. Наши в свое время приветствовали подобные начинания. Ваши, вероятно, не будут оригинальны...

Николай решил возмутиться, но передумал.

– Но хоть заглянуть в эти чертовы папки можно? – поинтересовался он.

– Заглянешь, – пообещал дед. – Надо же знать, за что рискуем! Но не думай, Келюс, ничего особенного ты не увидишь. Эти архивы надо рассматривать как мозаику – целиком. Что-то, а тайны мы умели прятать всегда...

...В два часа ночи, когда Фроат уже давно спал, Лунин-старший вышел из квартиры, вскоре вернувшись с тремя серыми папками, на которых стояли четырехзначные номера. Келюс, преодолев искушение немедленно в них заглянуть, помог деду спрятать секретный груз в наскоро приготовленный тайник – за второй ряд книг на верхней полке книжного шкафа.

Наутро Фрол взбунтовался, заявив, что превосходно себя чувствует и не желает более соблюдать больничный режим.

– И вообще, – прибавил он, допивая вторую чашку кофе, – надо по городу, елы, побродить, раз уж в Столице оказался. А то ничего интересного, кроме телевизора, и не увижу. Ведь, говорят, революция!

– Кое-что интересное вы уже видели, – невозмутимо заметил Лунин-старший. – В некотором роде, даже ощутили. А самое интересное вам не покажут.

– Но ведь действительно революция, дед! – поддержал приятеля Келюс. – Тебе, небось, в семнадцатом не мешали по улицам бегать!

– Это еще не революция, молодые люди, – покачал головой старик. – Это еще, так сказать, карнавал, игрище. Господа бояре власть делят! А вот через годик, через два, когда очереди за хлебом станут побольше, чем в «Макдональдс» – тогда пожалуй... Только выходить на улицу не захочется. Как, кстати, и мне в семнадцатом...

Фрол, оставив подобные доводы без внимания, поспешил навстречу впечатлениям, пообещав вернуться к вечеру. Николай, сославшись на головокружение, остался дома. Не хотелось оставлять деда одного и, главное, ожидалось знакомство с жуткими тайнами уходящей власти.

...Все три папки оказались подозрительно тонкими. Келюс взвесил их на ладони, предположив, что в каждой лежит не более одной – двух страниц. Он не ошибся – в первой папке, на которой стояла карандашная надпись «Спецзахоронения. 1 экз.», оказался единственный написанный от руки листок.

– А почему не напечатано? – удивился Лунин-младший. – Черновик?

– Не тому вас, видать, в университете учили, – усмехнулся дед, почувствовавший себя в привычной сфере. – Источниковедение правящей партии – наука тонкая, и не каждому доступная. Вот так-с, господа белогвардейцы!

– Не глумись, дед! – возмутился Николай. – Объясни толком, бином!

– Бином, – отвечив старик, приходя в хорошее настроение, – вещь, внучек, математическая и точная. И насколько я помню твои школьные табели, тебе совершенно непонятная. Приятно слышать, как нынешние педагоги коллекционируют слова-паразиты!.. А что касемо этого листка, то насколько мне известно, в рукописном виде подобные документы хранятся в единственном случае – когда их не решаются доверить машинистке... Ну, что там?

Келюс вчитался, поначалу ничего не поняв. В верхней части листка стояло: «Спецзахоронения. Список № 1». Далее следовали номера и адреса кладбищ в разных городах с указанием квартала и номера могилы. Всего было перечислено двенадцать захоронений с номерами от первого до тринадцатого.

– Второго номера нет, – заметил внук, вертя в руках непонятный список. Партийные тайны представлялись ему несколько иначе.

– Что еще скажешь? – подбодрил дед.

– Так... – напрягся Лунин-младший. – Ну, конечно, бином, это могилы жертв культа личности. Тайные захоронения!

– Одиночные захоронения, – уточнил Николай Андреевич, – причем на общих кладбищах. Значит, злодейства НКВД? А где номер второй?

– Не знаю, – честно ответил внук, еще раз поглядев перечень городов. Куйбышев, Днепродзержинск, Рыбинск, Харьков...

– С первой тайной покончено, – констатировал дед. – Ну, что там дальше?

Вторая папка имела надпись «„Ядро“ 2 экз.». Ниже стояла приписка: «Экз. № 2 передан в личное распоряжение». В чье – указано, однако, не было. Келюс взглянул на деда.

– Ох уж эти революционеры! – хмыкнул старик. – Каждому требуется спец из жандармерии, иначе утонут. Так сказать, красный буксир... Надпись эта, внучек, означает, что экземпляр передан генеральному секретарю – только он может «лично распоряжаться». Числа нет... Ага, есть, но стерто... Кажется понял – число стерли перед эвакуацией, чтобы такие, как мы, не догадались, когда сие произошло. То ли десять лет назад, то ли вчера... Ну-ка, что там?

В папке лежал также единственный лист, на котором столбиком стояли названия: «Ядро-1», «Ядро-2»... – и так до «Ядра-9». Напротив них имелись пометки, большей частью совершенно непонятные. В шести случаях стояло: «Объект № ...», причем номера были двухзначные и четырехзначные. Три пометки гласили: «Хранилище № ...», и номера стояли шестизначные.

– Так... – посерьезнел Николай Андреевич. – Четырехзначные номера, насколько я помню – военные объекты, двухзначные – скорее всего что-то научное. А вот «Хранилище», думаю, находится где-нибудь в Швейцарии... Что же это за «Ядро» такое, а? Что может понадобиться где-нибудь на Байконуре и одновременно храниться в Цюрихе или сейфе Московского Народного банка в Лондоне?

– Подслушивающее устройство, бином, – предположил внук.

– Или запасы коньяка, – подхватил старик. – А ну-ка, ну-ка, что это?

Келюс принес увеличительное стекло. После немалых стараний удалось разобрать полужатертую карандашную надпись, сделанную возле пометки «Ядро-7». Она гласила: «Т. Ст. Ин. Тер.»

– «Товарищ Сталин – индивидуальный террор!» – изрек внук.

– Или «Теплый Стан», – добавил Николай Андреевич.

– А ведь и вправду, – оживился Лунин-младший. – Ну, дед, молодец! Теплый Стан! Это же зацепка! Она приведет...

– К товарищу Сталину, – перебил его старик. – В порядке индивидуального террора. Давай-ка следующую...

Третья папка имела лишь архивный номер. Надписей на ней не было, а внутри оказалась сложенная вчетверо крупномасштабная карта какого-то горного района. Какое именно – понять невозможно, карта была «слепая», без единой надписи. Только в центре стояла пометка: «Объект № 1».

– Все, – подытожил дед, просмотрев карту. – Можешь прятать. Ну, как тебе наши тайны?

– Никак, – признался Келюс. – Тебя надули, дед! Это просто какое-то ненужное старье. Взяли по ошибке или в спешке. Настоящие бумаги, наверное, уже тью-тю...

– Да, конечно, – вздохнул Лунин-старший. – Из-за этого, как ты изволишь выразаться, старья, один человек уже погиб. Папки эти, внучек, отбирались не вчера и не месяц назад. Они – детонатор, без этих документов все остальное – просто макулатура. Между прочим, из архива не изъяли даже списки счетов в зарубежных банках, чтобы успеть вынести эти странички. Вот и думай, юнкер.

– Поручик, – машинально поправил деда Келюс, в самом деле крепко задумавшись. Перед тем, как спрятать папки в импровизированный тайник, он достал свой «Пентакон», подаренный в давние годы отцом, и тщательно переснял все бумаги, затем пленку из аппарата, аккуратно завернул ее в фольгу из сигаретной пачки и засунул сверток в ящик с инструментами.

Фрол вернулся поздно вечером, растрепанный и возбужденный, долго пил чай, а затем, усевшись поудобнее, приступил к рассказу.

– Давай! – подначил Келюс. – Ну, елы...

– Ну, елы, – вздохнул Фрол и замялся. – Ну, в общем, Центральный Комитет брали. С утра оцепили, потом глядим – дым валит из окон. Архивы палят, в карету их! Ну мы всех и накрыли! Менты вначале дергались, не пускали, но тут как раз Генерал приехал с указом Президента. Мы и рванули. Обыск, само собой, чтоб ничего не утащили...

– Поздравляю! – прервал его Лунин-старший. – Мы тоже с обысков начинали. Верной дорогой идете, товарищи!

– Да ведь они калькуляторы выносили, елы! – возмутился дхар. – Даже лампочки выкручивать стали. Морды, я тебе, Француз, скажу! Буржуи!

– Это мы тоже проходили, – вновь вмешался старик, явно не видевший в этой эпопее повода для особого расстройств. – И это уже было. «День твой последний приходит, буржуй!...»

– А потом к госбезопасности пошли, – продолжал Фрол. – Такая толпища собралась! Памятник этому, Железному, еще ночью сломали, а мы здание оцепили – и к подъездам. Но тут, правда, опять Генерал появился и приказал, чтобы мы расходились. Ну, народ пошел памятники валить, а я решил сюда вернуться. Чего с памятниками, елы, воевать?

– Равно как устраивать обыски с изъятием лампочек, – согласился старик. – Ну-с, значит, госбезопасность уцелела, а в Центральном Комитете под шумок успели сжечь лишнее. Зато народ доволен. Это еще что!.. В семнадцатом, пока охранное отделение в Питере осаждали, провокаторы успели все архивы спалить – для пушшего спокойствия. Ну, а сейчас, похоже, и стукачи еще понадобятся – новой демократической власти...

– Да ну тебя, дед! – огорчился Келюс. – Ладно, ты, как всегда, прав, но что делать было? Снова вам власть отдавать?

– Нам? – переспросил дед. – Кому именно, внучек? Да будет тебе известно, в партии существуют разные группы, и не все из них – сталинисты и людоеды. Теперь уж я и не знаю, Келюс, как из всего этого выкарабкаться. Вот только все как-то очень похоже, какое-то дежавю.

– Как в семнадцатом? – удивился внук.

– Именно. Можно подумать, что не только сценарий, но даже исполнители те же... Статисты и каскадеры свежие, – добавил он, иронично поглядывая на Келюса и Фрола.

Вечером, когда дед лег спать, Лунин-младший поинтересовался у дхара, не видел ли тот в толпе у Центрального Комитета Китайца. Фрол принялся добросовестно вспоминать, но так и не смог припомнить ни Китайца, ни старого тибетца в балахоне, ни парней в черных куртках.

На следующее утро дхар собирался уезжать, но Келюс уговорил его побыть в Столице еще пару дней. Втроем в квартире, где хранятся серые папки, было несколько спокойнее. Весь день приятели бродили по Столице, глядя на последствия этих бурных дней. Жизнь, впрочем, уже входила в обычное русло. Несколько пустых пьедесталов возносились к равнодушному, видевшему и не такое еще небу, на здании Центрального Комитета красовались свежие пломбы, а, в общем, все было по-прежнему. Правда, в городе поговаривали, что защитникам Белого Дома выдадут специальные удостоверения, дающие право то ли на обслуживание вне очереди, то ли на получение через полвека однокомнатной квартиры. Фрол предложил проехаться к Белому Дому, но Келюс категорически отказался, представив себе Китайца, поджидающего их в очереди за этими самыми удостоверениями.

Вечером Николай не выдержал и, оставив Фрола смотреть по коммерческому каналу очередной боевик, отвел деда на кухню и рассказал ему обо всем, что было в ту ночь. Келюс боялся, что дед, воинствующий атеист и боец с суевериями, сочтет услышанное последствиями контузии, но старик выслушал очень внимательно, а затем надолго задумался. Наконец, что-то решив, прошел в спальню, долго копался в шкафу и через несколько минут вернулся с большим свертком. Принесенное было уложено на кухонный стол и распаковано. Увидев желтую, потрескавшуюся от времени кобуру, Келюс слегка похолодел. Николай Андреевич невозмутимо извлек из нее вороненый браунинг, привычным движением разобрал оружие, проверив каждую деталь, затем принялся за сборку.

– Дед! – выдохнул Лунин-младший. – Ты чего? Посадят!

– Не дрожи, поручик! – хмыкнул старик. – Именной! У меня разрешение имеется, еще с тридцатых... Три обоймы – пока хватит... Так вот, Келюс, теперь эта штука должна быть всегда у тебя под рукой.

– Это так серьезно?

Келюс почувствовал, что здорово влип.

– Более чем. Честно говоря, меня удивляет только одно – как тебя выпустили живым? Не вышло на улице, могли бы достать в медпункте той же ночью...

– Так ведь меня же там не было! – сообразил внук. – Мы с Фролом всю ночь в коридоре пролежали, где этот Варфоломей Кириллович над нами опыты ставил! А днем в госпитале народу было полно, к тому же пресса...

– Похоже, – согласился старик. – Прошляпили, видать, очень заняты были... Келюс, мальчик, если бы ты знал, во что ввязался!

– Ну так расскажи! – оживился внук, радуясь возможности узнать все секреты сразу.

– Не могу, – медленно произнес Николай Андреевич. – Хочу рассказать, но не могу. Я давал подписку и, между прочим, честное слово. К тому же это ничего не изменит, а ты, вдобавок, наделаешь глупостей. Фроату рассказывал?

– Нет! Молчал, бином, как молодогвардеец, хотя и подмывало...

– В любом случае, – перебил дед, – вам обоим надо уехать отсюда, и как можно скорее. Фроату пора домой, впечатлений, по-моему, он уже набрался. А ты поищешь работу. В провинции, может быть, еще нужны преподаватели-диссиденты...

– А ты? – запротестовал внук. – Мало того, что у тебя эти секретные пипифаксы, так еще за мной могут прийти.

– Как-нибудь, – усмехнулся старик. – В крайнем случае, уходить недалеко. А с тобою меня могут не пропустить...

– Куда? – не понял Николай. – На конспиративную квартиру?

– Много будешь знать – вообще не состаришься, – пресек излишнее любопытство Луни-дед. – Да-а... Не знал, что Белый Дом тоже подключили...

«Куда? – подумал Келюс. – К подземному ходу? К вертолетной площадке? И что я такого видел – комнату или тех, кто из нее появлялся?»

Подмывало продолжить расспросы, но внезапно из передней раздался мелодичный перезвон. Японский звонок извещал о чьем-то позднем визите.

– Спрячь, – Келюс кивнул на пистолет. – Я открою.

– Не спеши, – старик быстро зарядил браунинг. – Спросишь, кто. Я стану сзади. Если что – сразу падай на пол.

– Если что – падай? – не понял внук.

– Если начнут стрелять! – отрезал Николай Андреевич. – Пошли.

За дверью кто-то шумно вздыхал, переступая с ноги на ногу.

– Кто? – поинтересовался Келюс как можно более равнодушным тоном.

– Покорнейше прошу простить, – откликнулись за дверью. – Мне нужен господин Лунин Николай Андреевич.

Келюс немного помедлил, но голос отчего-то вызывал доверие, и он открыл дверь. На порог шагнул крепкий русоволосый человек годами чуть постарше Лунина. Несмотря на плохо и странно сшитый штатский костюм, в госте сразу же можно было узнать военного. Выправка, короткая стрижка, потертая полевая сумка в руке...

Вошедший, аккуратно прикрыв дверь, попытался щелкнуть каблуками серых матерчатых туфель, дернул головой:

– Полковник Корф!

Помедлив, прибавил:

– Михаил Модестович...

А затем совсем тихо и неуверенно прозвучало:

– ...Барон...

– Келюс, в сторону! – внезапно произнес дед таким тоном, что внук поспешил подчиниться.

– Не двигайтесь, полковник! – продолжал Лунин-старший, направив ствол браунинга на того, кто так странно отрекомендовался. – Правую руку выше... Выше!

– Не стоит, господа, – затравленно усмехнулся Михаил Корф. – У меня в сумке две бомбы на боевом взводе. Достаточно дернуться...

– Что вам нужно? – вмешался Лунин-младший, все еще не веря, что происходящее – не сон.

– Лунин Николай Андреевич! – повторил гость. – Мне пакет отдать нужно! – неожиданно добавил он тоном, похожим на отчаяние. – У меня приказ, понимаете? Кто из вас господин Лунин?

– Вам повезло, – нашел в себе силы улыбнуться Келюс. – Здесь целых два Лунина и оба – Николаи Андреевичи. Дед, он, похоже, к тебе.

С благодарностью взглянув на Келюса, Корф облегченно вздохнул, аккуратно поставил сумку на пол, а затем, помассировав кисти рук, вновь поднял.

– Извините, господа, – теперь его голос звучал виновато. – Не смог сдержаться. Нервы. Контузия. Сегодня, думал, вообще в желтый дом попаду... Куда прикажете пройти?

Дед повел странного визитера в кабинет. Келюс и дхар, успевший к тому времени занять боевую позицию у входа, направились следом.

– Кто вам велел передать пакет? – поинтересовался Лунин-старший, усадив гостя в кресло.

– Но, господин Лунин, – растерянно произнес Корф, – я думал, вы, так сказать, посвящены... Если нет, я не имею права. У меня приказ... Строжайший! Я должен только передать пакет...

– Хорошо, – прервал его Николай Андреевич. – Но ведь кто-то же вам велел вам его сюда доставить?

– Дежурный. По телефону, – полковник вконец растерялся. – Связного почему-то не было, и мне назвали ваш адрес...

– Где назвали? – терпеливо допытывался дед, явно удивленный всей этой историей куда меньше остальных.

– Ну... в этом... Теплом Стане.

– В институте? – быстро переспросил Келюс, вспомнив загадочное «Т. Ст. Ин. Тер». «Ин.» – Институт!

– Кажется, – задумался Корф. – Хотя, признаться, не уверен... Извините, господа, это все так дико! Никак не мог добраться. Эти (как их, Господи?) таксисты требовали почему-то доллары. Хорошо, что у меня был с собою полуимперил. В карты выиграл третьего дня у капитана Завойко...

– Ясно! – перебил Лунин-старший. – Теплый Стан, Институт Тернема. Ладно, господин барон, давайте пакет.

Корф аккуратно положил полевую сумку на стол, не спеша достал из нее две ручные гранаты с длинными рукоятками, вывернул из каждой капсюль, затем извлек большой пакет и вручил его Николаю Андреевичу.

– Здесь, на конверте, господин Лунин, – пояснил он. – Расписаться...

Старик вскрыл конверт, оставив на нем свою размашистую начальственную роспись, и, не читая, положил содержимое – два листка бумаги, исписанные рядами пятизначных цифр – в стол. Корф спрятал конверт обратно в сумку, туда же уложив обе гранаты, после чего встал.

– Благодарю вас, господа! Прошу извинить за вторжение. Пойду...

– Отставить, – отрезал Лунин-старший. – Сейчас ночь, попадете напрямиком в э-э-э... полицию. Вы же без документов, как я полагаю?

– Так точно, – кивнул полковник. – Сдал при получении задания.

– Ну вот... Сейчас отправляйтесь на кухню, где э-э-э... поручик Лунин накормит вас ужином. Переночуете, а завтра отправитесь обратно. Вопросы, господин барон?

– У меня много вопросов, господин Лунин, – вздохнул гость. – Но, может, сначала ужин?

– ...Слушай, ты действительно барон? – поинтересовался Фрол, покуда Келюс возился у плиты. Это было первое, что смог выдать из себя дхар с момента появления Корфа в квартире.

– Так точно, – подтвердил тот. – Я из петербургских Корфов. А что, – полковник перешел на шепот, – здесь уже нет баронов, одни пролетарии?

– Есть, есть, – успокоил гостя Келюс, накрывая стол. – Недавно снова дворянское собрание открыли. Правда, вступительный взнос, говорят, в долларах...

– Господин Лунин... – робко начал Корф.

– Николай, можно – Келюс, – предложил Лунин-младший. – А этот молодой джентльмен – Фроат.

– Можно Фрол, – несколько смутился дхар, протягивая барону широкую ладонь.

– Очень приятно, господа, – поклонился Корф. – Меня в детстве звали Мишелем, но после того, как у одной знакомой дамы... Не решусь ее назвать... Я обнаружил стриженного английского пуделя, которого тоже звали Мишелем, предпочитаю называться, как Бог и крестный велели – Михаилом. Английский пудель, господа, представляете, экий форс-мажор!

Прошу прощения, увлекся... Николай, почему тут все требуют доллары? Какая в России валюта?

– Гм-м-м... – неопределенно отреагировал Келюс. Американский шпион, за которого он поначалу принял странного барона, должен быть в курсе подобных вещей.

– Рубль у нас, – незамысловато пояснил дхар. – Только на него ни шиша не купишь. А у вас что?

– У нас... – замялся гость. – Простите великодушно, самого тянет поделится, но не могу – приказ. Вы же сами офицер, Николай. Господин Лунин назвал вас поручиком...

– Старший лейтенант, – уточнил Келюс, – запаса, конечно.

– Воевали, Николай? – оживился полковник.

– В общем-то, нет. То есть, да... Правда, всего сутки...

– Да ну, Француз, какая там война! – вмешался Фрол. – Спалили, елы, две «бээм-пешки»...

– Что спалили? – не понял Корф. – Простите ради Бога, господа, я, вероятно, кажусь вам каким-то монстром. Не виноват, честное слово! Во-первых, приказ. А, во-вторых, контузия. Под Барановичами, тоже аккуратно в первый день. Прибыл, принял взвод и тем же вечером угодил в санитарный поезд.

«Где это – Барановичи?» – задумался Келюс, но промолчал. Барон между тем отужинал, выпил кофе и постепенно пришел в доброе расположение духа, после чего был отправлен спать. Он не возражал, попросив лишь разбудить его в шесть утра. Лунин-младший, закрыв за ним дверь гостиной, поспешил к деду.

– Что, хорош? – осведомился тот, явно имея в виду бравого полковника. – Родственная душа?

– Да уж, бином, – согласился Николай. – Но, ради Бога, дед, что все это значит?

– Бога нет, – задумчиво молвил старик. – Впервые мне об этом сказали какие-то гимназисты году в пятнадцатом. Признаться, долго не мог привыкнуть... Не знаю, Келюс, откуда взялся господин барон. Не иначе, из нафталина.

– Или из Института Тернема, – напомнил внук, – который в Теплом Стане, и где находится этот, бином... объект «Ядро».

– «Ядро-7», – уточнил Лунин-старший. – Да, интересно получается! Основали этот институт где-то перед войной. Ведала им госбезопасность, а Тернем был там не директором, а обыкновенным ээком.

– Тернем – который электрическую музыку изобрел? – вспомнил внук. – Ну да, конечно! Демонстрировал Вождю, а тот, бином, соизволил лично «Во поле березка...» сыграть. Меломаны!

– Смешно, – кивнул дед. – Кстати, Тернем – ученик Иоффе... Когда Вождь отправился на свидание к Основоположникам на радость весьма и весьма многим, Тернем просил разрешения его воскресить. Конечно, никто и не подумал разрешать такое...

– Естественно, – поддержал Лунин-младший. – Психов нужно лечить...

– ...А здоровым – промывать мозги. Промывали мозги Тернему долго. Посадили в 30-м, затем «шарашка» в Теплом Стане. Через год он был назначен главным конструктором, затем – досрочное освобождение, три сталинские премии...

– Так что, он и вправду мог воскресить этого... меломана?! – ужаснулся Николай. – Слава Богу, не разрешили! Нет, ерунда, быть не может!..

– Не мне судить, – пожал плечами дед. – С моими-то четырьмя классами и Институтом Красной Профессуры... Во всяком случае, Тернем обещал прожить двести лет.

– И как? До семидесяти дотянул?

– Сейчас ему сто, – спокойно сообщил Лунин-старший. – Он совершенно здоров и продолжает работать...

– Но барон-то откуда? – не выдержал Келюс.

– Не знаю... В письме, которое он привез – шифр, адреса на конверте нет... Вот и думай!

Келюс честно потратил полночи на рассуждения о странном полковнике. Годились две версии. Корф мог быть шпионом из потомков русских эмигрантов, а в Теплом Стане находилась явка. Правда, для разведчика подготовлен он был из рук вон плохо. Подходило и другое – загадочный Тернем воскресил офицера времен Первой мировой войны и использует его в качестве курьера. Но опять-таки, зачем? Выходила, как ни крути, форменная ерунда.

Спал Николай крепко, и будильник, поставленный на шесть утра, прозвонил явно не ко времени. Вспомнив о просьбе барона, Лунин-младший, чертыхаясь, отправился будить странного гостя. Проходя мимо кабинета, Келюс с удивлением обнаружил, что Лунин-старший сидит за столом и о чем-то размышляет, постукивая костяшками пальцев по дубовой крышке.

– Не буди его, – заметил старик, едва пожелав внуку доброго утра. – Ему некуда торопиться...

– ...А? Большевики? – вскинулся барон, когда Лунин-младший тронул его за плечо.

– Они самые, – улыбнулся Келюс. – Доброе утро, Михаил.

– А-а-а! – застонал Корф. – А я надеялся, что все это сон! Господи, какая жуть... Нет, нет, Николай, не подумайте, это я не про вас...

Едва умывшись, полковник начал быстро собирать свой небогатый скарб, но Лунин-старший попросил гостя зайти в кабинет.

– Можете не торопиться, господин барон, – сообщил он без всяких предисловий. – Я только что звонил... В Теплый Стан вам пока ехать незачем. Этой ночью Институт Тернема взят под охрану и опечатан.

– Вот это да! – ахнул присутствовавший при этом Келюс.

– Но, господин Лунин... господа... – растерялся Корф. – Вы не понимаете. Мне нельзя здесь оставаться! Господи, если б вы знали!.. В конце концов, я попытаюсь прорваться...

– Работы в Институте Тернема остановлены, – покачал головой Николай Андреевич. – Что-то случилось – очень серьезное...

– Погиб! – вырвалось у барона. – Господи, застрять в Совдепии! В Большевизии! Всюду краснопузые! Комбеды, мировая революция, «чека»!..

– Опоздали, господин полковник! – не без удовольствия усмехнулся Лунин-младший.

– Как? – вскинулся тот.

– Революция у нас.

– Что-о? Опять?! – ужаснулся барон, чуть не подпрыгнув при этом известии.

– Ну, контрреволюция, – уточнил Николай. – Большевиков запретили, партию разогнали, памятники ломают... И еще флаг трехцветный вернули.

– Слава Богу! – Корф размахисто перекрестился. – Не зря, значит...

– Вероятно, из-за этой суматохи вы и не дождались связного, – заметил дед. – Революция, контрреволюция – первым делом начинается хаос.

– Да, господа, но кто же на престоле? – встрепенулся полковник.

– У нас республика, – без особой гордости сообщил Келюс. – Пока, во всяком случае. Но наш Президент – он за демократию...

– Адвокатишки! – скривился барон. – Ну, да все равно, порадовали, господа, право!.. Но что же делать? Мне надо в Теплый Стан...

– Я дам вам письмо, – решил Лунин-старший. – Отнесете сегодня же по одному адресу, там вам все объяснят подробнее. Быть может, Институт заработает в ближайшие дни...

После завтрака Фрол с Келюсом отправились по магазинами, барон же, испросив у Лунина-старшего разрешения, обложился книгами, углубившись в штудирование Большой

Советской энциклопедии. Старик сел за телефон. Когда часа через два приятели вернулись, Лунин-старший по-прежнему был в кабинете, причем явно не в лучшем настроении.

– Келюс, – обратился он к внуку несколько встревоженным тоном. – Что-то там случилось. Не могу дозвониться...

– Я схожу, – предложил Николай. – Погляжу на резидента большевистского подполья. Заодно барона провожу, а то он, того и гляди, влипнет.

– Со своими бомбами, елы! – согласился Фрол. – Серьезный мужик!

Келюс получил письмо в запечатанном конверте без адреса. Адрес было велено заучить наизусть. Лунин-младший почувствовал себя настоящим подпольщиком, лишь мысль, что подполье, как ни крути, большевистское, несколько портила удовольствие. Добираться оказалось недалеко, и решено было прогуляться пешком.

Барон шел по Столице в состоянии, напоминающем транс. Келюсу и Фролу то и дело приходилось поддерживать его, дабы бравый полковник не врезался в прохожих. Время от времени Корф застывал, увидев какое-нибудь из старинных зданий, и в глазах вспыхивал огонек узнавания. При виде красных звезд над Главной Крепостью полковника передернуло, и он пробормотал что-то о бесовских пентаграммах. Николай лишь пожимал плечами, убедившись, что подготовка шпионов нынче явно не на высоте.

«Явка» оказалась в самом центре, на тихой улице, где почти перед каждым подъездом стояла милицейская будка, оберегавшая жильцов от избытка всенародной любви. Дом, указанный дедом, был немного поскромнее, меры безопасности ограничивались лишь вахтером, поспешившим загородить путь. Келюс хотел объясниться, но внезапно барон, отстранив его, взял вахтера за ворот. Тот дернулся, захрипел, а затем покорно замер.

– Пшел вон, лакуза! – процедил Корф, и в ту же секунду проход оказался свободен.

На звонок никто не отвечал. Келюс позвонил еще раз, но безрезультатно. Наконец, когда Корф уже собирался врезать по двери ногой, послышалось легкое царапанье, и перепуганный голос прошелестел, спрашивая, кто им нужен.

– Вы нужны! – буркнул Келюс, которому вся эта конспирация успела порядочно надоесть. – Я Николай Лунин, у меня к вам письмо.

– Вы не Лунин! – взвизгнули за дверью. – Не обманывайте! Я знаю голос Николая Андреевича!..

– Фу ты! – сообразил Келюс. – Непонятливый, бином... Я внук Николая Андреевича.

– А... а как звали вашу бабушку? – недоверчиво спросили из-за двери.

– Елена Константиновна, – отчеканил Лунин-младший. – Открывайте, бином, надоело!

Дверь скрипнула и отворилась. На пороге показался пожилой, весьма упитанного вида человек с всклокоченными волосами и царапиной на пухлой щеке. Несмотря на непрезентабельный вид, Николай сразу же узнал это лицо. Размноженное фотоспособом, оно много лет подряд украшало обложки журналов и обязательные иконостасы Слуг Народа в красных уголках. Бывший Слуга Народа почти не изменился, но вид у него был не величественный, как на портретах, а растерянный, даже испуганный.

– Это ты, Коленка? – забормотал он нечленораздельной скороговоркой. – Какой большой стал! Я тебя в последний раз видел лет двадцать назад... Заходите, товарищи, извините, что тут так... Мой телефон... И не только телефон...

То, что неприятности случились не только с телефоном, было ясно сразу. В квартире все стояло верх дном. Диван, разрезанный чьей-то безжалостной рукой, демонстрировал свое ватное нутро. Келюс покачал головой:

– Бандиты или госбезопасность?

– Нет-нет, – зашептал хозяин. – Хуже! Хуже, товарищи! Бывшая группа «Бета»! Черные куртки...

– Майор Волков? – Николай невольно вздрогнул.

– Да-да... Предатель!.. Они забрали все документы. Откуда им стало известно, ума не приложу! Телефон разбили... Я бы к соседям вышел, но Волков приказал сидеть дома...

– Ясно, – перебил его Лунин, соображая, что нужно немедленно возвращаться домой. – Вот письмо. Этого... товарища, – он кивнул на барона, – нужно переправить в Институт Тернема. Он связной.

– Вот как? – заинтересовался хозяин квартиры. – А какой Канал? Первый или второй?

– Кажется, второй, – вспомнил полковник. – Позвольте представиться: барон Корф.

– Очень приятно, товарищ... господин барон, – пролепетал хозяин. – Но разве Николай Андреевич не знает? Вчера поздно вечером банда Волкова ворвалась в Институт и похитила скантр...

– Что похитила? – изумился Келюс. – Скантр?

– Ну да, «Ядро». Теперь вся аппаратура выключена. Я думал, Николай Андреевич в курсе...

– Бежим! – прервал его Келюс, обращаясь к своим спутникам.

– Думаешь... – начал было Фрол, молча слушавший странный разговор. – Этот Волков...

– Бежим! – повторил Николай. – Скорее!..

...Дверь квартиры, запертая перед уходом, теперь была приоткрыта. Барон нахмурился и достал револьвер.

– Дед! – закричал Келюс, вбегая в квартиру. Следом за ним поспешили Корф с оружием наготове и дхар, ругавший себя за то, что не догадался взять у барона одну из его гранат.

– Дед! Дед! – звал Келюс, но отвечать было некому. Старый большевик Николай Андреевич Лунин лежал на пороге кабинета, сжимая в руке браунинг. В квартире все было перевернуто, мебель опрокинута, книги сброшены с полок...

Три серые папки исчезли без следа.

Глава 3. В кольце

Тело старика уложили на диван. Ошеломленный случившимся Келюс сел рядом, глядя на восковое лицо деда, тем временем Фрол и полковник принялись осторожно осматривать квартиру. Барон тщательно исследовал дверь, линолеум в коридоре, оглядел браунинг, не без труда извлеченный из застывшей руки Николая Андреевича. Фрол бродил из комнаты в комнату, то и дело останавливаясь и прислушиваясь.

– Их было трое, – заявил Корф, завершив осмотр. – Дверь не выламывали и не вскрывали отмычкой. Выходит, изнутри открыли?

– Тогда бы дед лежал у дверей, – Келюс с трудом встал и вышел в коридор.

– Однако же он успел взять пистолет, – продолжал барон. – Но так и не выстрелил...

– Осечка, – предположил дхар.

– Едва ли, – Корф вынул патроны и несколько раз нажал на спусковой крючок. – Осечка у браунинга?

– Милицию звать будем? – поинтересовался практичный Фрол. – Хотя, елы, что мы сможем объяснить?

– Ничего, – вздохнул Келюс. – И барона им предьявлять нельзя.

– Много пропало? – Корф все еще возился с пистолетом, то и дело недоуменно пожимая плечами.

– Нет, – покачал головой Лунин. – Почти ничего. Сволочи!..

Действительно, за исключением трех серых папок, письма, привезенного бароном, и нескольких фотографий из альбома, в квартире все было цело. «Пентакон» лежал, разбитый вдребезги, но пленка, спрятанная в ящике с инструментами, осталась нетронутой.

– Слушай, Француз, да объясни ты нам, – не выдержал Фрол. – Что все это значит?

– Партийные архивы, – неохотно ответил Лунин. – Дед хранил какие-то папки. И еще они взяли мои фотки – чтобы не спутать, видать... Ладно, приберем и вызовем «Скорую». Думаю, особых вопросов у них не будет. Эх, дед, дед!..

Скорбные хлопоты заняли много времени. Лишь поздно вечером, когда появилась возможность немного передохнуть, Фрол незаметно отозвал Лунина в сторону.

– Слышь, Француз, – зашептал он. – При бароне говорить не хотел. Эти, которые здесь были, они... Как бы, елы, сказать?

– Роботы? – в эту минуту Келюс не удивился бы даже боевым роботам.

– Да нет! – расстроился дхар. – Какие к шуту роботы? Это... Ну, мы их называем «ярты».

– Воин Фроат, давай-ка по порядку, – устало вздохнул Николай. – Кто это – «мы»? Кто такие «ярты»?

– Мы – это дхары. Ярты – это... Ну, не знаю. Это как у вас, русских, лешие, только хуже. В общем, Француз, я и сам в эту чепуху не очень верю, но у нас, понимаешь, есть такое чутье. Мы различаем зверей и людей не по запаху, а по... Вот, елы, слов нет!..

– По биополю, – подсказал Лунин. – Вроде, как австралийцы.

– Точно! – обрадовался дхар. – По следу в воздухе! У каждого – свой след. А у ярта – след особый, не такой, как у зверя или человека. Он, вроде, и не живой, и не мертвый...

– Ты уж прямо как чукча объясняешь, – поморщился Келюс. – Извини, Фроат, я понял. Так эти ярты – зомби, что ли?

– Зомби? – удивился дхар. – Которые по виду? Нет, те просто мертвяки ходячие, а ярты – вроде как живые. У нас ими детей пугают. Говорят, у них красные лица...

– И черные куртки... – кивнул Лунин. – Знаешь, воин Фроат, похоже, мы все уже сдвинулись по фазе. А барон наш – не ярт?

– Не-а, не ярт. Только у него этот след, биополе который... Какой-то другой, будто на куски разорванный.

Келюс задумался, вновь вздохнул:

– Надоели мне эти тайны! Пошли-ка к нему, поговорим, бином, по душам!..

Барон уже успел задремать, но мгновенно проснулся и послушно проследовал на кухню. Все трое уселись за стол. Келюс помолчал несколько секунд и начал:

– Вот что, господа, а также товарищи и граждане!.. По-моему, пора объясниться. Влипли мы по крупному, но уехать из Столицы я не могу, и вы, Михаил, видимо, тоже. Разве что ты, Фроат...

– Не-а, не уеду, – отозвался дхар. – Такие и дома достанут. Да и втроем, елы, веселее.

– Так вот. Каждый из нас что-то знает. Сейчас я расскажу то, что видел сам. Извините, если собоюсь. День – сами знаете...

Лунин, постаравшись быть точным, изложил все, от виденного в Белом Доме до соображений по объекту «Ядро».

– В спину нам били, – это точно. И Китаец этот... – согласился Фрол, чуть подумав. – Во дела выходят! А я и не знаю, чего сказать. Я ведь дхар, да только от дхаров, считай, ничего уже и не осталось. Старики померли, язык почти забыли. Меня хоть дед учил, он грамотный был, а дядька его когда-то в университете учился, про нас книжки писал. Да когда это все было! Дядю дедова, его Родионом Геннадиевичем звали, в лагерь упекли, не вернулся, а деда и всех остальных с Урала расселили. Дед на стройку подался, а многие пропали. Стали на русских жениться. Раньше нельзя было – убивали за такое. Сказки помню: будто дхары умели в зверей превращаться, за версту все слышать. Да ну, смеяться будете!..

Смеяться, конечно, никто не стал. Фрол без особой охоты повторил то, что помнил о краснолицых яртах, а затем все поглядели на Корфа. Тот почесал затылок.

– Знаете, господа, не в обиду будь сказано, но это какой-то бедлам. И самое жуткое, что из нас троих первым к Наполеонам попаду я. Извините, лучше промолчу. Будь я лешим, вы бы мне поверили охотнее...

– Ладно, Михаил, давайте попробую сам, – предложил Лунин. – Вы – разведчик, связной, потомок русских эмигрантов. Вас переправляют по секретному каналу, вроде той комнаты в Белом Доме. После похищения этого... скантра, установка не работает. Документов у вас нет, а в посольство обращаться не имеете права. Угадал?

– Нет же, нет! – с отчаянием в голосе воскликнул барон. – Я действительно курьер. Вначале тоже думал – линия связи, этакая дыра в пространстве... Только у нас тут вообще нет никакого посольства!..

– У кого – у вас? – не выдержал Келюс.

– У Вооруженных Сил Юга России, – безнадежно вздохнул Корф. – Я бывший командир второго батальона Марковского полка, за Германскую имею Владимира с мечами и две Анны. Родился в 1891 году, сто лет назад по вашему счету... Все, можете звать санитаров, я готов!

Гвардейский поручик Корф ушел на фронт добровольно, не желая протаптывать петербургские паркетные в час, когда Империи грозит опасность. На фронте был трижды ранен, попал в плен, бежал, снова ранен. В конце 17-го, когда армия разбежалась, капитан Корф, чудом избежав самосуда озверелой солдатни, подался на Дон. Пройдя Ледяной поход без единой царапины, он получил случайную пулю год спустя, при взятии Харькова. После этого медицинская комиссия списала Корфа, только что надевшего полковничьи погоны, вчистую. Но барон, явившись в штаб главкома, наскандалил и, неожиданно для себя, оказался зачисленным в некий отдел канцелярии главнокомандующего, который, ежели верить названию, занимался транспортными перевозками.

Полковнику велели ничего не спрашивать и ничему не удивляться. Раз в неделю он заходил в обитую белым металлом камеру в подвале одного из корпусов Харьковского Технологического института и закрывал глаза. Даже сквозь веки он чувствовал невыносимо яркий свет. Затем барон открывал дверь и оказывался в большом светлом помещении, где его ждали двое молчаливых людей. Один из них обычно сидел за большим пультом, на котором мигали десятки разноцветных лампочек, другой, такой же немногословный, вручал полковнику запечатанный пакет, взамен получая то, что передавал ему Корф.

В первый раз барон разрешил себе удивиться, когда за окном светлого помещения он заметил сугробы – в Харькове в эти дни стоял теплый май. Мысль о южном полушарии Корф по размышлении отверг, тем более из редких намеков тех, кто его встречал, явствовало, что попадает он напрямик в Столицу. Затем однажды, когда человек с пакетом немного запоздал, сидевший у пульта – полковник уже знал, что его зовут Семеном – вдруг стал ругать большевиков, называя их почему-то «сталинистами» и «номенклатурщиками», а вслед за этим передал барону лист бумаги. Уже в Харькове Корф обнаружил, что это подробная карта расположения красных резервов. Там стояла пометка – август 19-го, а между тем в Харькове был еще только июнь.

...Случайно увиденная газета, которую читал Семен, окончательно убедила барона, что его безумные предположения верны. В последний его рейс связного на месте не оказалось, а незнакомый дежурный у пульта долго звонил по телефону и, наконец, назвал адрес Николая Андреевича Лунина...

– ...Да, круто! – резюмировал Келюс. – Интересно, зачем нашим бонзам связь с Деникиным? Бежать к нему, бином, собрались, что ли? А может, Михаил, вы на красную разведку работаете? Есть там у вас некий Макаров – адъютант Май-Маевского. Чекист чистых кровей...

– Нет, нет, Николай! – заволновался полковник. – Наш отдел курирует сам главком! А Макаров... Знаю я Пашку – ловелас, гуляка, в картишки малость передергивает, но чтобы шпион? Ладно, мне бы вернуться поскорее, а там уж разберусь...

– Елы, а зачем возвращаться? – удивился Фрол. – Войну вы все равно проиграете, и придется тебе, Михаил, в Турцию мотать.

– И вправду, – поддержал Келюс. – У нас интереснее.

– Нет, господа, – покачал головой Корф. – Там мои друзья, а главное, та война – это моя война. Остаться у вас – вроде как дезертировать.

– Ну и чего, твое благородие, делать будешь? – поинтересовался дхар. – Запрут в Кащенко, а то и чего похуже.

– Высокоблагородие, – машинально поправил барон. – Буду искать скантр – пока не найду.

– Ну, это программа-максимум, как говаривал Вождь, – заключил Келюс. – Сейчас у нас задача более скромная, хотя и трудная.

– Да-с, – понял Корф. – Например, дожить до утра. Если уже и браунинг осечку дает! На крайний случай бомбы имеются, правда, квартиру жаль...

– Бомбы, это, конечно, – вмешался Фрол. – Только я бы еще кой-чего сделал. Дед меня учил... Только ты, Француз, не смейся!..

– Какой тут смех, – вздохнул Лунин, – заклинание, что ли?

– Да вроде... У тебя чеснок есть?

– Однако, господа, – не выдержал Корф, – вы бы еще бубен взяли!..

Фрол, завязав несколько головок чеснока в два полотняных мешочка, подвесил их над дверью, после чего замер, тихо что-то шепча на понятном лишь ему одному языке. Следом за этим он несколько раз поднял и опустил руки, как бы строя невидимую стену, затем, с сомне-

нием покачивая головой, отошел, предложив все-таки выставить дежурного. С ним никто не спорил.

Барон выбрал самое неудобное время – с трех до четырех утра. Устроившись в кресле рядом с входной дверью, он курил, листая взятый из лунинской библиотеки «Краткий курс истории ВКП(б)». Чтение весьма занимало полковника – он негромко ругался, хмыкал и даже время от времени крутил пальцем у виска. За этим занятием время шло быстро, и Корф уже собирался будить Фрола – своего сменщика, как вдруг за дверью послышались приглушенные шаги. Полковник бесшумно вскочил, сжимая револьвер, прижался к стене и вдруг почувствовал, как воздух застревает в горле – чья-то рука, пройдя сквозь дверь, стала нащупывать задвижку. Барон успел трижды ущипнуть себя, но рука не исчезла, напротив, подобравшись к задвижке, ловко ее отодвинула. Затем длинные красноватые пальцы с загнутыми ногтями потянулись к кнопке американского замка...

Дверь чуть приоткрылась, Корф, понимая, что от желтого дома уже не отвертеться, закусил губу и поднял револьвер. Но дверь, приоткрывшись на какой-то сантиметр, внезапно застыла и, несмотря на чьи-то немалые усилия, оставалась на месте. Барон вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб, и тут рука замерла: прямо сквозь дверь начала проступать фигура высокого широкоплечего человека в короткой черной куртке. Лицо со странными светлыми глазами кривилось судорогой, яркие красные губы беззвучно шевелились... Словно во сне, ничего не соображая, Корф прицелился и нажал на спуск. Сухой щелчок – верный наган, ни разу не подводивший за все годы, дал осечку.

Швырнув бесполезное оружие на пол, Корф зажмурился и, повинувшись далекой детской памяти, сорвал с шеи образок, подаренный крестной матерью, выставив его перед собой, словно щит. В ответ послышалось злобное шипение, дохнуло холодом, рука с образком окаменела... Когда полковник поднял глаза, все исчезло. Лишь приоткрытая дверь напоминала о случившемся.

– Ты с кем воюешь, барон? – сонный Фрол, разбуженный стуком упавшего револьвера, выглянул в коридор.

– Не подходите к двери! – прохрипел пересохшим горлом Корф.

– Ага! Вот, елы, меня тут не было.

Гибким, неожиданным для его высокого роста движением, дхар прижался к стене и быстро прошел к двери.

– Надо же! – Фрол несколько раз провел руками по воздуху. – Сработало. Вот и не верь сказкам!..

Он прислушался, затем аккуратным движением прикрыл дверь и задвинул засов.

– Ушли. Иди спать, барон. Больше не сунутся. Светает, елы...

– Однако, – выдавил из себя Корф, непослушными пальцами пряча револьвер в карман. – Интересно, оба мы ненормальные, или я один?

– Да нормальные мы, елы, – успокоил дхар. – Сразу видно, что ты, Михаил, городской. У нас в деревне каждый вечер чеснок вешали и за порог – ни ногой. Так от этих хоть чеснок помогает, а вот, говорят, ежели руг-риты или февральские волки...

– Сдаюсь! – быстро проговорил Корф. – Признаю себя Наполеоном и иду спать.

Похороны были немногочисленными. Накануне Келюс обзвонил всех известных ему знакомых деда, но не более дюжины из них съехались к крематорию на Донском. Неделей раньше старый большевик Лунин удостоился бы почетного караула, венков с торжественными надписями, траурного митинга, а то и прощального салюта. Но эпоха уходила вместе с ним, и только несколько пенсионеров, таких же старых и забытых, стояли у гроба.

На поминках людей было еще меньше. Кроме Николая, последнего из Луниных, и его двух новых знакомых, за столом сидели четыре старика в немодных костюмах с длинными рядами орденских планок на пиджаках. Один из гостей, возрастом еще постарше покойного, то и дело вспоминал Польский фронт, где впервые познакомился с молодым комиссаром Николаем Луниным, ругал «проклятых демократов» и не без удовольствия констатировал, что в свое время порубал белых гадов без счета. Остальные больше расспрашивали Келюса о его делах и жаловались на времена.

У Лунина-младшего кусок не лез в горло, и за столом распорядился барон. Старики с уважением смотрели на храброго полковника, и кто-то удовлетворенно заметил, что покуда есть такие, как товарищ Корф, дело партии не пропало. Ветеран Польского фронта согласно закивал, добавив, что Михаил Модестович напомнил ему красных командиров гражданской, которые славно били белую контру, посоветовав уклонисту и пораженцу Лунину-внуку брать с полковника пример. Корф выслушивал подобные излияния с совершенно невозмутимым видом и лишь потом, проводив гостей, заметил, что он лично предпочел бы получить очередную – последнюю – пулю на этом самом Польском фронте, но не дожить до того, когда гвардейского офицера начинаешь путать с краснопузой сволочью.

...Ночью Фрол снова подвесил над дверью мешочки с чесноком, однако незваные гости как будто потеряли к квартире всякий интерес.

Наутро барон заявил, что не сделает и шага, пока не сходит в церковь, не поставит свечи Богородице и не спросит совета у Творца. Заодно полковник предложил заказать панихиду, поскольку похороны без пенья и ладана, по его мнению, не похороны, а большевистское глумление. Панихиду Лунин-младший отверг сразу, помня крутой атеизм деда, Фрол же, подумав, неуверенно заметил, что в Храм Божий сходить не грех, особенно после всего случившегося. Что касательно дальнейшего, дхар считал за лучшее посоветоваться с тем самым Варфоломеем Кирилловичем, который помог им в Белом Доме. Правда, где найти старика, он не имел ни малейшего понятия.

Келюсу эти мысли показались несколько странными. По его мнению, искать помощи в церкви или у экстрасенса-любителя следовало в более спокойное время. Впрочем, против похода в церковь Лунин не возражал, но сам туда не собирался, посоветовав барону захватить с собой весь свой арсенал на случай нежелательных встреч. Тот согласился, прибавив, что собирается отправиться на Ваганьково. В последний раз полковник был в тамошней церкви весной 17-го, и ему хорошо запомнился священник, читавший проповедь о Звере из Бездны. Келюс предположил, что Михаил едва ли сможет прослушать новую проповедь красноречивого иерея, поскольку настоятель ныне явно занят другими делами. В ответ Корф обозвал Лунина нигилистом, и тот не стал больше спорить.

Келюс между тем решил вновь заглянуть к отставному Слуге Народа, дабы порасспросить его как следует. Вахтер при виде Лунина, поспешил очистить путь, но на этом удачи и кончились. Николай напрасно звонил у знакомой двери – открывать ему не собирались. Подумав, Келюс позвонил к соседям. Там сначала вообще не пожелали разговаривать, но после того, как Лунин намекнул, что он здесь по секретному партийному делу, его тут же впустили, угостили цейлонским чаем, после чего конспиративным шепотом рассказали, что все явки изменены, система связи будет заново установлена в ближайшее время, сосед же, отставной Слуга Народа, перенервничав после визита майора Волкова, отъехал в Крым на неопределенное время. Попытка расспросить о Волкове не дала особых результатов. Удалось лишь узнать, что тот возглавлял одно из подразделений спецотряда «Бета», а командовал всеми «черными куртками» некий подполковник Фраучи. Однако этот Фраучи был уволен из отряда еще полгода назад.

Тем временем Корф и Фрол, благополучно добравшись до Ваганькова, направились в старую церковь, стоявшую неподалеку от кладбищенских ворот. Шла служба. Фрол, успев бегло осмотреть храм, начал скучать, а Корф долго молился у иконы Казанской Богоматери. Затем барон взял дхара за руку и отвел в сторону.

– Не поверите, Фрол! – зашептал он. – Священник... Ей-богу, я не спятил. Это тот самый священник!

Фрол сочувственно взглянул на барона и предпочел промолчать.

– Да не спятил я! – горячо настаивал тот. – Точно он!

– Спроси, – пожал плечами дхар. – Так, мол, и так, елы, бывал я здесь о семнадцатом годе...

– И спрошу! – отрезал Корф.

После службы полковник, отозвав священника в сторону, принялся о чем-то оживленно с ним беседовать. Фрол, минуту выждав, решил подойти к ним, чтобы в случае необходимости спасти барона от кареты «Скорой». К его удивлению, Корф и священник, похоже, вполне понимали друг друга. Прислушавшись, дхар понял, что полковник не оплошал – сослался на фотографию из семейного архива. И не зря. Нынешний священник приходился внуком прежнему. Увлечшись, Михаил начал пересказывать запомнившуюся ему в 17-м проповедь. Фрол, дабы барона слишком не занесло, вспомнив о Варфоломее Кирилловиче, поинтересовался, не знает ли настоятель такого священника. Батюшка, как-то странно поглядел на дхара, ответил, что в Столице такого священника не знает, но весьма любопытствует, где и когда его собеседник встречал Варфоломея Кирилловича, как тот выглядел и что делал. Удивившись, дхар коротко поведал об их встрече в коридоре Белого Дома. Священник покивал головой, ничего не сказав, но благословил молодых людей с каким-то особым чувством.

Обратно шли пешком. Барон, воспользовавшись моментом, принялся расспрашивать Фрола о жизни страны в последние семьдесят лет. Дхар, проклиная тройку по истории, полученную в школе, пытался по мере сил отвечать, но порою сам становился в тупик. Корф, воодушевившись, принялся вслух мечтать о том, как, вернувшись в Добрармию, сумеет если не изменить ход истории, то по крайней мере доставить краснопузым изрядные хлопоты. Фрол, чьи мысли блуждали далеко от планов сокрушения «жидо-большевистских ратей», все же предположил, что нынешние большевики в свою очередь едва ли оставят своих предшественников без поддержки. Барон крепко задумался и замолчал.

Они шли по небольшой улице недалеко от Садового Кольца. Вокруг было безлюдно, но внезапно дхар почувствовал смутную тревогу. Он оглянулся, ничего подозрительного не заметив, однако ощущение опасности только окрепло. Фрол, не выдержав, поделился с бароном своими сомнениями. Тот не стал спорить и на всякий случай нащупал в кармане наган.

Внезапно тишину вспорол отчаянный женский крик.

– Там! – Корф, мгновенно сообразив, указал на черную пасть подворотни.

Крик повторился. Барон выхватил оружие и бросился вперед. Фрол последовал за ним, правда, с куда меньшей охотой.

Все стало ясно в первый же миг. Три крепких парня держали за плечи высокую белокурую девушку. Раскрытая сумочка валялась рядом, один из типов сжимал девушке горло, мешая кричать.

– Эй вы! – гаркнул Корф. – Отпустите ее!

Ответом был злорадный хохот, причем раздался он как спереди, так и сзади. Барон быстро оглянулся – загораживая улицу, в проеме подворотни темнели еще три силуэта.

– Ах черт! – Михаил, схватив дхара за плечи, отшатнулся к стене, держа перед собой револьвер. Фрол выхватил из левой руки барона полевую сумку с гранатами. Парни вновь захотали – в сторону незадачливых рыцарей смотрели короткоствольные автоматы. Девушка, о которой уже успели забыть, бессильно опустилась на грязный асфальт.

– Черные куртки! – наконец сообразил Фрол. – Кажись, влипли...

Шестеро «черных» стали полукругом, держа автоматы наперевес. Фрол, быстро окинув взглядом врагов, понял, что приметы, известные им, достаточно точны. Парни были все как на подбор – коренастые, с темно-красными, налитыми густой кровью лицами и странными бесцветными глазами. Они тяжело дышали, но не шумным дыханием здорового и сильного человека, а с каким-то тонким присвистом, словно ныряльщики, побывавшие на глубине.

Отсмеявшись, парни выжидательно замолчали, затем один из них, самый крепкий, прокашлявшись, произнес неожиданно тонким, писклявым голосом:

– Че уставились, уроды? Щас беньки-то повышибаем! Кидай ствол, фраер!

– Сейчас кину, елы, – пообещал Фрол, вытаскивая гранату. – Будет тебе Цусима с Хиромой!

– Но! Не балуй!

Писклявый слегка попятился. Фрол, внимательно приглядевшись, оставил гранаты в покое и перекрестил краснолицего. Тот зашатался, чуть не выронив автомат.

– А, ярытники!

Дхар принялся крестить «черных» налево и направо. Барон, в первую секунду обомлевший, вспомнил приоткрытую дверь и мешочки с чесноком и выхватил из-за ворота иконку.

– Хва! Че делаешь... Ты... – парни в черном дергались, словно попав под струю кипятка. Дхар уже собрался переходить в наступление, как вдруг почувствовал, что правая рука онемела.

– Довольно!

Голос прозвучал холодно и властно. В подворотне незаметно появился еще один «черный». Он был выше остальных, крепок, но строен, с красивым, несмотря на красноту, лицом.

– Идите!

Это явно относилось к парням с автоматами. Ворча и ругаясь, те побрели куда-то вглубь двора.

– Уберите оружие!

Барон, заворожено глядя на незнакомца, медленно спрятал револьвер. Дхар нахмурился и пододвинул ближе сумку с гранатами.

– Можете меня не крестить, – продолжал краснолицый. – Голливуд кончился. И не дергайтесь – останетесь без головы!..

Фрол хотел сказать что-то, приличествующее моменту, но язык не слушался.

– Итак... Смелый рыцарь полковник Корф и простой советский человек Фрол Соломатин. Деникинский офицер и выродок-чуг...

– Не смей так меня называть! – взъярился Фрол. – Ты... Упырь... Ярт!

– Выбирай слова, чуг! Тут твои фольклорные фокусы с чесноком не помогут, как и ваша икона, полковник... Позвольте представиться – Всеслав Волков. Вы, кажется, меня искали?

– Он! Он! – зашептал барон. – Ночью... через дверь!..

Волков лишь усмехнулся, глядя, однако, не на Корфа, а на дхара. Светлые глаза недобро щурились.

– Надо было сразу догадаться, что ты чуг. Люди давно забыли заклятие запрета – да и тебе неоткуда знать его... Проклятые старики, они слишком поздно умирают! А вы, – повернулся он к Корфу. – Вы, дворянин, связались с... стыдно сказать, с кем!

– А вы? – отрезал очнувшийся Корф. – С кем связались? Я таких на фронте...

– Я воевал побольше вас, полковник, – прервал его Волков. – А теперь слушайте оба и не смейте перебивать...

Майор сделал несколько шагов по асфальту, брезгливо отшвырнув ударом ботинка подвернувшуюся под ногу консервную банку.

– Если бы мы хотели вас уничтожить, то не разыгрывали бы этот спектакль. Ты, чуг, не успел бы и руки поднять. Мне надо было поговорить с вами – и с господином Луниным...

Фрол дернулся, но краснолицый предостерегающе поднял руку:

– Я не сказал – убить! Вы мне вообще не нужны, но вы полезли в чужие дела, поэтому требуется кое-что объяснить. Мы не убивали и не хотели убивать старика Лунина. Я знал Николая Андреевича очень давно и... Впрочем, не это важно. Нам были нужны бумаги, и я не виноват, что у него оказалось слабое сердце. Его героический внук, кажется, решил объявить мне вендетту – и совершенно напрасно. Далее... Ваши мотивы, полковник, понятнее. Вы еще, наверное, не знаете, что долго жить в чужом времени нельзя. Где-то через месяц вам станет худо, а еще через пару недель вы просто распдетесь во прах, так сказать, вернетесь в свое естество. Вам нужен скантр? Обещаю, что недели через три я переправлю вас обратно, если, конечно, вы перестанете мне мешать. Это вообще не ваше дело – ваши дела у Деникина... А ты, чуг, напрасно вмешиваешься в человеческие споры... Надеюсь, все ясно?

– Ничего, ярытник, все равно до тебя доберусь! – с ненавистью выдохнул Фрол. Вместо ответа Волков рассмеялся и поманил девицу. Та, пошатнувшись, медленно встала.

– Господин майор, оставьте ее в покое! – потребовал Корф.

– В покое? – усмехнувшись, Волков шелкнул пальцами.

Девушка тут же упала на колени, затем, вновь встав, глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от глубокого сна.

– Спасите! – прошептала она. – Не оставляйте...

– Очень трогательно, правда? – майор вновь шелкнул пальцами. Девушка застыла, глаза погасли, руки бессильно опустились вдоль тела.

– Покой ей не подарит никто... Иди!

Пошатываясь, словно большая, плохо сделанная кукла, она двинулась в глубину двора.

– Я не хочу воевать с вами. Будьте благоразумны!

Волков махнул рукой, не торопясь, направился следом.

С минуту Корф и Фрол не могли пошевелинуться. Затем, словно сбросив невидимые путы, они огляделись по сторонам и дружно перевели дух.

– Дичь! – пробормотал барон. – Почему он вас так называл, Фрол?

– Чугом? – понял дхар. – Долго рассказывать. Дразнили нас так. Не дхары, мол, а чуги – лешие, в общем. За такое у нас морду бьют...

– Да, – спохватился Корф. – Надо быстрее возвращаться! Правда, у Николая есть браунинг...

– И у деда его был браунинг! Ходу!

Они шли быстро, не тратя времени на разговоры. Внезапно Фрол оглянулся, затем еще раз.

– Что там? – не понял Корф.

– Не отстает, зараза!

Барон оглянулся. За ними, не торопясь, бежала большая черная собака.

– Фу, дрянь! – Михаилу пес тоже совершенно не понравился.

– Ну, я ее сейчас...

Внезапно обернувшись, дхар резко махнул рукой. Собака отскочила в сторону, оскалилась и беззвучно исчезла в ближайшей подворотне.

– Дрессированная? – осведомился полковник.

– Ага, – недобро ухмыльнулся Фрол, – встретил бы эту дрессированную ночью, закалялся бы в цирк ходить...

В подъезд они почти вбежали, мигом поднявший на четвертый этаж.

– О Господи! – только и выдохнул барон.

...Келюс лежал на полу рядом в дверью, ведущей в квартиру, прислонившись головой к стене. Разорванная рубашка намочила кровью, темные пятна расплзлись по всей площадке...

– Дышит! – шепнул Корф, нащупывая пульс. – Чем это они его?

Дхар осторожно повернул голову Николая и тихо охнул: вдоль шеи тянулся глубокий неровный порез, покрытый запекшейся кровью. Полковник несколько раз прикоснулся к коже вокруг раны, внимательно оглядел рубец, вновь нащупал пульс.

– Артерия цела, но крови много. Однако, весьма странный порез...

– Это укус, – поморщился Фрол. – Надо его в квартиру отнести. Вот, елы, оставили одного!..

– Да бросьте! – вздохнул барон, обшаривая карманы Лунина в поисках ключей. – Вампиры бывают только в сказках или в романах господина Стокера. Это порез, а вот нож был каким-то необычным.. Ага, вот!..

Найдя в куртке Келюса связку ключей, он принялся возиться с замком. Нужный ключ никак не удавалось найти, и Михаил начал тихо злиться.

– Елы, – Фрол отвернулся. – Сказки, говоришь? В гробу я такие сказки видел! У-у, черти!..

– Не поминайте их, воин Фроат! – послышался знакомый голос. От неожиданности барон дернулся и выронил ключи.

– Варфоломей Кириллович! – вскрикнул Фрол, все еще не веря. – А мы вас искать собрались! Вы... Видите?

– Вижу...

Старик склонился над Келюсом, осматривая рану. Затем, встав, неодобрительно покачал головой:

– Худо...

Он легко провел рукой над лицом раненого. Келюс застонал.

– Черт! – ругнулся Корф, все еще мучаясь с замком.

– И вы не поминайте их, воевода, – сурово заметил Варфоломей Кириллович и, шагнув к двери, прикоснулся рукой к замку. Послышался щелчок, дверь приоткрылась.

Корф еле сдержался, чтобы вновь не помянуть нечистого. Вдвоем с Фролом они подняли Келюса и осторожно внесли в квартиру. Старик еще немного постоял на окровавленной лестничной площадке, опять покачал головой и зашел следом.

– Это он, – шептал между тем Фрол полковнику. – Экстрасенс который...

– Однако, – заметил барон. – Лихо это он с замком!

Лунина положили на диван. Фрол, поспешив в кухню, намочил полотенце, чтобы вытереть кровь, барон между тем продолжал осматривать рану.

– Пустяк, в общем, – бормотал он. – Порез, ерунда, у нас с таким даже в госпиталь не отправляли...

– Ошибаетесь, воевода, – возразил Варфоломей Кириллович, присаживаясь рядом. – Раны, вами виденные, на брани получены были. Меч милостив, он – только железо...

– Яд? – Корф невольно вздрогнул.

– Сие, к прискорбию, весьма вероятно, – старик провел рукой над раной. – Оттого и обморок...

– Это ярты! – воскликнул дхар, появляясь с полотенцем. – Мне дед рассказывал...

– Бросьте, Фрол! – буркнул барон, забирая полотенце и принимаясь аккуратно вытирать кровь вокруг раны. – Какие еще ярты? Просто разбойники. А Волков – не иначе гипнотизер, сволочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.